

СПЕЦВЫПУСК

ОКТАБРЬ/2020
УКРАИНА

СЕКРЕТЫ НАУКИ

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

№10 (175)

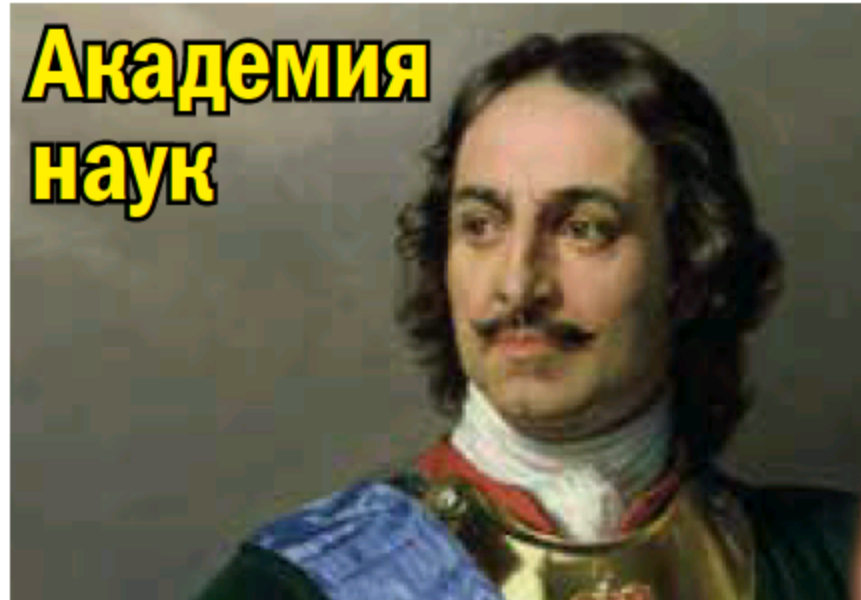
Боровиком в 1989 году

В НОМЕРЕ:

СЕКРЕТЫ НАУКИ

2

Академия
наук

СУДЬБА ГЕНИЯ

8

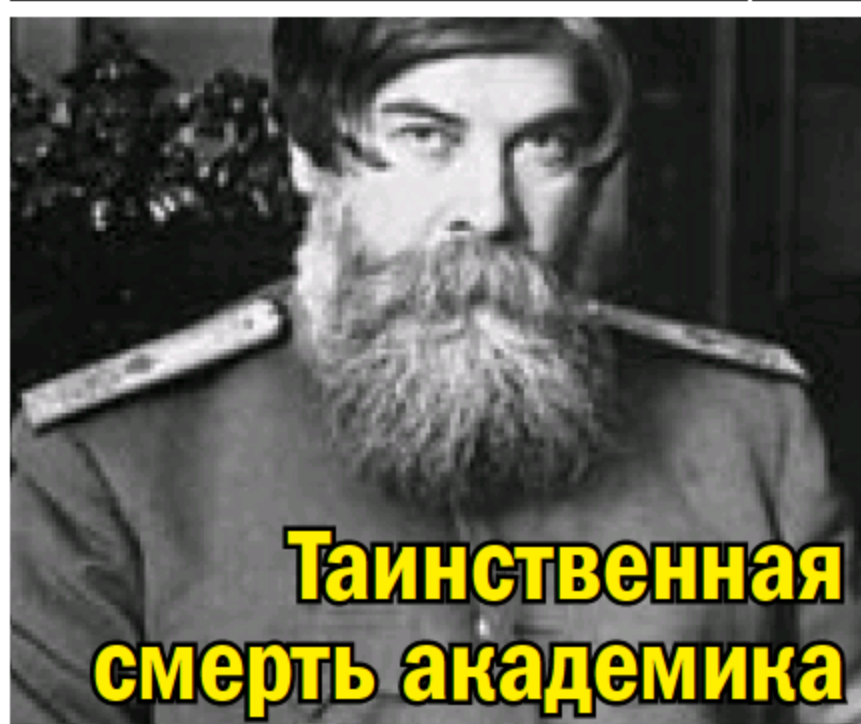
Улица
Колмогорова

СЕКРЕТЫ НАУКИ

15

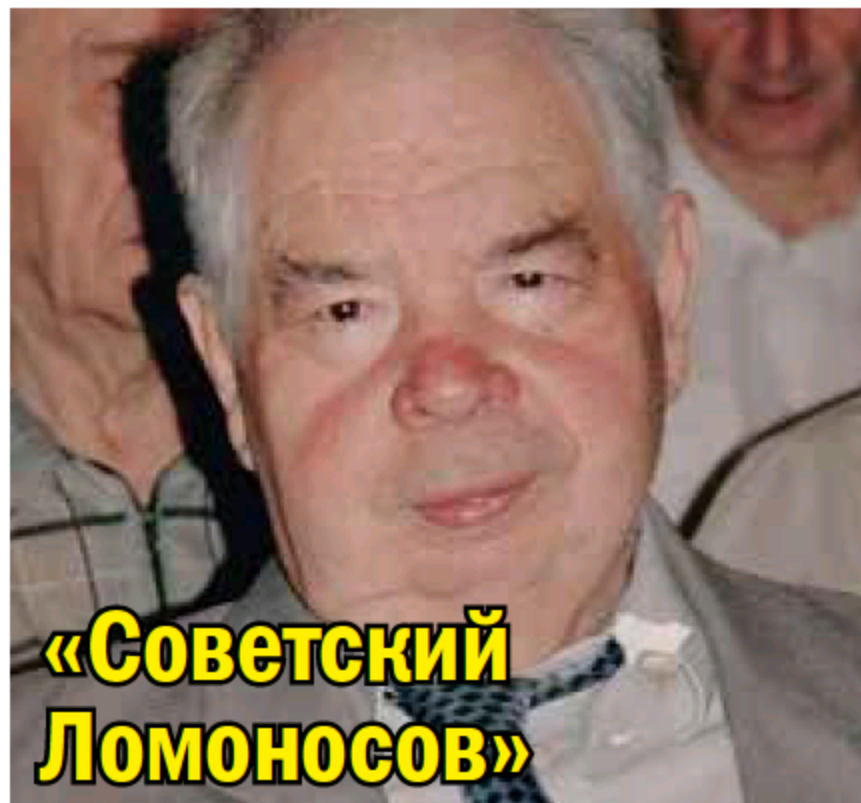
Таинственная
смерть академика

ИСТОРИЯ УСПЕХА

23

«Советский
Ломоносов»

УНЕСЕННЫЕ ВЕТРОМ

ISSN 2070-884X

20010

9 772070 884002

АКАДЕМИЯ НАУК ОТ ПЕТРА I ДО НАШИХ ДНЕЙ

Владимир ВОРОНОВ

Специально для «Совершенно секретно»

РАН – 296 лет. Доживет ли она до своего 300-летия?

Второго февраля (22 января по ст. ст.) 1724 года на заседании Правительствующего Сената император Петр I одобрил составленный лейб-медиком Лаврентием Блюментростом проект основания учреждения, ранее в России невиданного, – Академии наук. Точнее, «академии наук и курьезных художеств». Восьмого февраля (28 января по ст. ст.) того же года Правительствующему Сенату объявлен именной указ императора «Об учреждении Академии Наук и Художеств». Эту дату ныне и полагают днем основания отечественной Академии наук, хотя академия реально заработала лишь уже после смерти Петра.

За свои 296 лет она сменила немало названий: в одном из указов Петра I именовалась Российской Академией Наук, при Анне Иоанновне – просто Академией Наук, со времен Елизаветы Петровны это уже Санкт-Петербургская Императорская Академия Наук и художеств, Александр I именует Императорской Академией Наук, а в утвержденном Николаем I уставе значится уже Императорская Санкт-Петербургская Академия Наук. После Февральской революции 1917 года «политкорректно» переименована в Российскую Академию Наук, в 1925 году – в Академию наук СССР, а с ноября 1991 года это Российская академия наук (РАН).

Государственное дело

В сентябре 2013 года в качестве обоснования необходимости очередного «реформирования» отечественной науки устами казенной «Российской газеты» было заявлено, что вся история РАН, «проведенная сквозь века от Петра Великого до наших дней», не более чем миф! «На самом же деле под вывеской «РАН» сегодня пытаются скрыть историю разных учреждений, никогда не являвшихся преемниками друг друга», так как было, мол, шесть совершенно разных учреждений, выполнявших разные задачи. Отсюда и «глубокий» вывод: «Организация, которая сегодня носит название «Российская академия наук», ведет отсчет от 1991 года», – а вовсе не с 1724-го! В доказательство этого великого открытия перечислено шесть из всех названий академии. Особенно трогательно выглядит такой пассаж: «Созданную по воле Петра Великого академию порой называют «клубом ученых», она менее всего напоминала государственное учреждение, являясь сообществом интеллектуалов начала XVIII века». Петр I – учредитель клуба интеллектуалов?! Можно было бы лишь улыбнуться, если б эту дичь на полном серьезе не тиражировал печатный орган Правительства Российской Федерации. Начнем с того, что ни как клуб ученых, ни как место научных дискуссий и тем паче светское собрание интеллектуалов свою академию Петр I, будучи сугубым практиком и прагматиком, не замыслил. Мотивация у него была вполне прагматично-государственная. Как писал в январе 1721 года Блюментросту известный немецкий философ Христиан Вольф, «Его Императорское Величество имеет намерение учредить Академию Наук и при ней другое заведение,

где бы могли знатные лица изучать необходимые науки, а вместе с тем водворить художества и румёсла, о чем и писал ко мне за несколько недель перед тем...». Уже из переписки Петра с тем же Вольфом ясно, что речь шла о создании не просто некоего сообщества ученых, а, говоря современным языком, мощного научно-образовательного центра – собственно академии (со своим издательством), университета и гимназии. Как полагал государь, если завести только академию, то «науки не скоро в народе расплодятся». Если же создавать лишь один университет, в стране не будет надежной системы образования, поскольку молодые люди должны не только «началам обучаться», но затем и «выше градусы науки воспринять».

Основное отличие академии российской от зарубежных аналогов – с момента создания (и поныне) – в том, что это учреждение сугубо государственное: его основало государство, оно изначально находилось «на балансе» государства, финансировалось из госказны, члены академии получали жалованье и пенсии от государства, им жаловали государственные награды, они считались состоящими на государственной же службе и имели классные чины. Вот, навскидку. Первый президент академии Блюментрост – действительный статский советник: по петровской «Табели о рангах» это чин IV класса, равный армейскому генерал-майору. Академик Андрей Нартов был в чине V класса – статский советник, бригадир (бригадный генерал) по-армейскому. Михаил Ломоносов – чиновник VI класса, коллежский советник, что по «Табели» соответствовало армейскому полковнику. Поэт (и академик) Василий Жуковский состоял в чине III класса – тайный советник, что равнялось генерал-лейтенанту. Баснописец (и тоже академик) Иван Андреевич Крылов – статский советник; выдающийся историк Василий Ключевский – тайный советник; биолог и эмбриолог Александр Ковалевский – действительный статский советник; историк Сергей Соловьев – тайный советник; академик Владимир Вернадский – действительный статский советник.

Так ведь и задача академии изначально была поставлена государством вполне государственная: обеспечить научно-техническое обслуживание государства же. В том числе и подготовку кадров. Помимо прочего, из доступных и давно уже опубликованных документов можно понять, что Петр видел в Академии наук еще и некий центр, консультирующий государство по самым разным вопросам и помогающий в разработке государственных задач. Кто-то же должен был организовывать экспедиции, исследовать неизведанные края и моря, составлять карты, описывать быт и нравы присоединяемых к империи племен и народов, искать природные богатства и пути к их освоению, прикладывать к практической жизни фундаментальные науки – химию, механику, математику...

Разумеется, наличие собственной академии, наполненной известными «импортными» учеными, немало значило для Петра и в плане имиджа международного. Кроме того, он хотел обрести еще один канал общения с европейскими странами (и неформального воздействия на них через академические круги), который можно было бы использовать и для получения информации о новациях в сфере науки и техники – своего рода научно-техническая разведка! Но

главное, повторюсь, кадры, кадры и еще раз кадры. Поскольку Петр давно осознал: говорить с европейцами на равных и, главное, сохранить саму российскую государственность можно, лишь совершив прорыв – на «фронтах» военно-техническом, торгово-промышленном и культурном. А здесь без новых кадров никуда, и пора готовить их уже дома – наладив не просто «импорт ученых», а учредив центр, где эти самые «импортные» академики могли бы организовать и отладить непрерывный процесс подготовки первых отечественных научных и преподавательских кадров. Так и появилась петровская Академия. Посему все разговоры о некоем клубе интеллектуалов, от души развлекавшихся вольными научными дискуссиями, просто смешны: люди государственное дело делали.

Современники Петра нередко прямо в глаза упрекали его за то, что свой «академический» прорыв он начинает не с того, с чего, по их мнению, следовало бы начать – не с фундамента науки и образования, а сразу с головы. Василий Татищев так вспоминал свои разговоры с императором незадолго до его смерти: «И я донес, что ищет учителей, а учить некого, ибо без нижних школ академия оная с великим расходом будет бесполезна. На сие его величество изволил сказать: «Я имею жать скирды великие, токмо мельницы

Впервые в России академия наук была создана по распоряжению императора Петра I

нет, да и построить водяную и воды довольно в близости нет, а есть воды довольно во отдалении, токмо канал делать мне уже не успеть для того, что долготы жизни наша ненадежна; и для того зачал перво мельницу строить, а канал велел токмо зачать, которое наследники моих лучше понудит к построенной мельнице воду привести». В данном случае Петру не откажешь в умении понять и ухватить главное: все надо начинать с головы. Как и в военном деле. Как совершенно новую армию на совершенно голом месте начинают строить вовсе не с набора солдат, а с мозга армии – создания ее центрального органа управления и набора высшего командного состава, так и в сфере науки – начинать надо с создания ее мозга, «генерального штаба» – академии. И этот мозг создали, причем, как оказалось, в той организационной форме, которая не просто была единственно возможной в тех условиях, но еще оказалась и достаточно гибкой. И уже к концу того же века по части науки фундаментальной Россия была вполне на мировом уровне, а в иных направлениях отечественные ученые порой

даже задавали тон. При этом отмечу: академия, созданная прежде всего как административный центр и «мозг» российской науки, оставаясь вплоть до конца империи учреждением «казенным» (и, разумеется, бюрократическим), так и не превратилась в орган директивно-распорядительно-управляющий. Даже властным и авторитарным сановникам Российской империи хватило понимания, что науку по приказу не двигают и научных открытий по принуждению не делают.

Академия сталинских наук

Этаким «наркоматом науки», жестко регламентирующим научную активность, пытающимся всерьез управлять наукой, академию пытались сделать уже при советской власти. Партийные лидеры всерьез полагали: кто академиком обедает, тот их и танцует. А если они «танцевать» не хотят, то заменим их своими академиками – правильно понимающими (и принимающими) генеральную линию партии, обслуживающими ее безропотно, срочно и сверхурочно. К организации своего контроля над Академией наук Сталин приступил не позже 1925 года, уже в феврале 1926-го оформив это документально: на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) утвердили специальную «Комиссию по взаимодействию с Академией наук СССР». И отныне все мало-мальски важные вопросы, касающиеся АН СССР, сначала рассматривались и утверждались на заседании Политбюро. Именно Политбюро и решило в 1927 году, что Академии наук нужен новый устав. Согласно ему руководители АН СССР утверждались Совнаркомом. 26 мая 1927 года особым постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) в Устав АН СССР было включено ранее немыслимое положение – о лишении звания академика и исключении из академии. В сталинской редакции пункт звучал так: «Академик лишается своего звания, если он не выполняет заданий, возлагаемых на него этим званием, или если его деятельность направлена явным образом во вред СССР».

На следующем этапе Кремлю нужно было наполнить академию своими кадрами, чтобы затем полностью заменить ее руководство. Для чего следовало овладеть механизмом выборов. Что успешно и сделали в кратчайшие сроки. 23 марта 1928 года Политбюро утвердило свой проект постановления Комиссии по выборам академиком. Также члены Политбюро рассмотрели список своих кандидатов в академики, утвердив тех, кого было предписано избрать в ходе запланированных на конец года выборов. Утверждено было три категории таких кандидатур. Первая: «члены ВКП(б) – Бухарин, Кржижановский, Покровский, Рязанов, Губкин, Лукин, Фриче». Вторая: «кандидаты ближе к нам» – 13 человек. И наконец, третья: «кандидаты приемлемые» – 15 человек.

А уже 31 марта 1928 года управделами СНК Николай Горбунов, по совместительству – руководитель Комиссии ЦК ВКП(б) по наблюдению за деятельностью академии, вызвав «на ковер» постоянного секретаря академии академика Сергея Ольденбурга, заявил: «Москва желает видеть избранниками Бухарина, Покровского, Рязанова, Кржижановского, Баха, Деборина и других коммунистов». После чего академику был передан список кандидатов, одобренных Политбюро.

Однако во время тайного голосования 12 января 1929 года все «кандидаты от Политбюро» первой категории были забаллотированы. Согласно уставу можно было провести повторное голосование, и представители Кремля провели индивидуальную обработку едва ли не каждого академика. В итоге в академики прошли только Бухарин, Покровский, Рязанов, Кржижановский и Губкин – за счет всего лишь одного лишнего голоса «за»! А вот Деборин, Лукин и Фриче были завалены вновь.

Высшая «инстанция» пришла в бешенство, и по ее команде печать немедленно развернула массированную атаку против академии. «Академия наук в настоящее время еще находится во власти реакционных традиций и кастовой ограниченности. Благодаря этому при наличии крупных работ отдельных академиков она не сумела связать свою работу с нуждами и потребно-

Первым президентом академии был учёный-медик Лаврентий Блюментрост

«Корифей всех наук» Иосиф Сталин к своему 60-летию получил подарок – диплом почетного академика (РИА «Новости»)

стями Социалистического строительства и не является организацией, руководящей научной жизнью Союза. Творческая научно-исследовательская работа после Октября прошла в значительной мере мимо Академии наук, – писал в феврале 1929 года журнал ВАРНИТСО – Всесоюзной ассоциации работников науки и техники для содействия социалистическому строительству в СССР. – ВАРНИТСО считает необходимым настаивать на полной реорганизации Академии наук. Агитку незамедлительно перепечатали «Правда» и «Известия». «На двенадцатом году пролетарской диктатуры пора уничтожить старый гнилой пережиток тайных баллотировок. В Советской Республике каждый честный гражданин должен голосовать открыто», – гласила опубликованная в «Ленинградской правде» резолюция рабочих Балтийского завода. «Мы требуем, чтобы вся деятельность Академии наук проходила под контролем всей пролетарской общественности», – громыхали там же труженики резиновой фабрики «Красный треугольник».

Вот тут-то настоящие академики, поняв свою политическую близорукость и недалекость (и осознав последствия), запа-

Трапезникова провалили вновь, и лишь в 1976 году академиком удалось уговорить «пропустить» Трапезникова в члены-корреспонденты – под обещания, что на звание «полного члена» он претендовать никогда не будет. Но, как водится, обманули: на следующих же выборах Трапезников выставил свою кандидатуру в академики, но был забаллотирован. Смешно, но схожий казус имел место снова спустя 40 лет – когда на выборах в члены уже РАН академики завалили Михаила Ковальчука, считавшегося креатурой Кремля на пост президента академии... Попутно провалили баллотировавшихся в члены-корреспонденты Сергея Степашина и Владимира Мау.

«Разгоним к чертовой матери Академию наук!»

Однако вернемся в год 1929-й. Тогда Политбюро свою задачу как бы решило: «Академия освежена, она наполнена новой, революционной кровью», – как пылко писали газеты. Однако такие «штучки» Сталин, как известно, не прощал никому и никогда. И с конца 1929 года была развернута масштабная чистка академии. Академик Ольденбург был смещен с поста постоянного секретаря академии, начались массовые увольнения сотрудников АН. Тогда же ОГПУ развернуло и т.н. академическое дело – пошли уже массовые аресты сотрудников академии. По данным известного биофизика и историка науки Валерия Сойфера, уже к концу 1929 года по этому делу было арестовано 1729 сотрудников бывшей Российской Академии Наук. Попутно чекисты брали академических работников по ряду еще столь же липовых дел: «Промпартии», «Монархической контрреволюционной организации», «Трудовой крестьянской партии», «Гвардейскому делу» (операция «Весна») и др. Вот так тов. Сталин и устанавливал свой контроль над наукой...

Впрочем, довольно скоро и к нему пришло осознание: не так уж сложно установить контроль над аппаратом АН, поставить своих руководителей и провести в академики нужных товарищей. Но куда сложнее (если вообще возможно!) заставить ученых творить по воле и указаниям партии и вождя – вынудить их делать научные открытия (и, главное, конструировать новые самолеты, танки, орудия, ракеты, бомбы и т.п.) по приказу и принуждению, по-стахановски – согласно пятилетним и опережающим планам. А ведь пытались, засадив в конце концов весь цвет военно-технической науки в чекистские «шараги» – тюремно-лагерные КБ НКВД. Лишь позже пришло частичное осознание, что куда перспективнее создать ученым (не всем, разумеется!) мало-мальски пристойные условия для жизни и творчества, осыпав их наградами и земными благами: лишь бы в срок делали то, что нужно вождю.

Потом были другие вожди, но всем от академии хотелось одного и того же. Когда же академики сопротивлялись, из Кремля следовал один и тот же окрик: «Разгоним! Раскассируем!» Так, когда Хрущев предложил разделить АН СССР на несколько академий – по отраслевым принципам, подчинив их отраслевым же министерствам и ведомствам, – академики, конечно, воспротивились. И хозяин Кремля в какой уже по счету раз пригрозил разогнать академию. Как гласит легенда, президент АН СССР Александр Несмеянов тогда ответил: «Ну что же, Петр Великий открыл Академию, а вы ее закроете». Хрущев опешил. Только вот самому Несмеянову в мае 1961 года пришлось подать прошение об отставке. Никита Сергеевич же вволю дал выход своим «академическим» чувствам позже, на пленуме ЦК КПСС 11 июля 1964 года, громыхнув: «Академия наук начинает вмешиваться в политику!» Безобразие! Ведь «для политического руководства... у нас достаточно нашей партии и Центрального Комитета, а если Академия наук будет вмешиваться, мы разгоним к чертовой матери Академию наук, потому что Академия наук, если так говорить, нам не нужна, потому что наука должна быть в отраслях производства...». Всыма напоминает те доводы и аргументы, что в 2013 году предварили очередное реформирование Академии наук, по итогам которого она имеет слабые шансы дожить до своего 300-летия. – Как вообще и вся отечественная наука. ■

никовали. Спешно провели общее собрание академии, на котором ее президент, академик Александр Карпинский, честно признал: «Наше положение хуже каторжного». Было решено ходатайствовать перед правительством о проведении... повторного (третьего) голосования – в нарушение устава и исключительно по этим трем кандидатурам. Собрание провели, сталинских кандидатов сделали академиками...

Схожая история имела место в 1967 году, когда на выборах в АН СССР были провалены три кандидатуры, лоббировавшиеся Политбюро ЦК КПСС. В том числе «черные шары» накатали заведующему Отделом науки и учебных заведений ЦК КПСС Сергею Трапезникову. Скандал! Потому буквально сразу же провели повторное заседание Общего собрания АН, но все три креатуры ЦК, включая Трапезникова, снова забаллотировали. На следующих выборах

НОБЕЛЬ ПРОТИВ ЛЕНИНА

Владимир ВОРОНОВ

Специально для «Совершенно секретно»

Почему не стали лауреатами Нобелевской премии физики Ландсберг и Мандельштам, микробиологи Виноградский, Клюева и Роскин.

Премия или жизнь

Связи российских учёных с Нобелевским комитетом, оборванные Первой мировой войной и переворотом 1917 года, возобновились только с введением НЭПа. Новую экономическую политику многие восприняли как начало возврата к нормальной жизни, когда каждый индивидум будет иметь в своём распоряжении хоть какие-то сферы, в которые государство вмешиваться не станет. Но оказалось, что это только затишье перед бурей. При другом сценарии развития событий наших соотечественников могло быть гораздо больше: было несколько периодов, когда зарубежные коллеги номинировали их особенно охотно. Но история не имеет сослагательного наклонения. Всё сложилось так, как сложилось.

Учёные новой России относились к нобелевскому движению с тем же отсутствием энтузиазма, как и во времена «проклятого царизма», причём даже в те времена, когда никакими санкциями контакты с зарубежными коллегами ещё не карались. Самым красноречивым примером тому стала история с выдающимися физиками Г.С. Ландсбергом и Л.И. Мандельштамом, имевшими все основания разделить премию по физике 1930 года со своим индийским коллегой Раманом, но так её и не получившими.

Комбинационное рассеяние света стало одним из самых знаковых открытий физики XX столетия, поскольку это явление легло в основу одного из самых результативных методов анализа состава и строения вещества. Так случилось, что сделано оно было независимо и практически одновременно сразу в двух лабораториях, расположенных за тысячи километров друг от друга, – в Москве и Калькутте. Индийский физик Ч. Раман обнаружил неизвестный доселе эффект, названный впоследствии его именем, в начале февраля 1928 года и 16 февраля уже отправил краткое сообщение о нём в журнал «Nature», хотя сути явления чётко объяснить пока не мог. Заметка была опубликована 31 марта.

Московские физики отметили тот же эффект 21 февраля, об этом есть запись в журнале наблюдений. И тоже не смогли поначалу дать ему однозначную интерпретацию, а потому оповещать коллег не стали, посчитав целесообразным провести ещё ряд опытов. Своё сообщение они отослали в журнал «Die Naturwissenschaften» только 6 мая. За это время Раман успел опубликовать ещё две статьи о своих экспериментах, и советские учёные, как это принято, в своей работе дали на них ссылки.

Но что ещё фатальнее, к тому времени в мировой научной периодике появилось 16 публикаций других учёных, взявших на вооружение свежеспечённое открытие, и они, естественно, ссылались только на Рамана. Статья же самого Рамана с окончательным обоснованием сделанного открытия появилась 7 июля, а Ландсберга и Мандельштама – 13 июля 1928 года. Даты выхода статей и ссылки советских физиков на публикации своего коллеги и создали предпосылки для приоритета индийского учёного.

В 1929 году он получил две номинации, одна из которых исходила от самого Нильса Бора, уже увенчанного к тому моменту нобелевскими лаврами. О советских учёных не вспомнил. В следующем году Раман получает уже десять номинаций, причём шесть – от нобелевских лауреатов, в том числе от Бора и Резерфорда. Что против них стоили две номинации на советских физиков: одна на обоих учёных и одна только на Мандельштама. При этом номинация про-

Микробиолог Сергей Виноградский

фессора О.Д. Хвольсона была не столько обоснованием заслуг номинантов, сколько робким пожеланием, чтобы члены комитета не придавали «решающего значения случайному упущению...», сиречь задержке, которую советские физики допустили при оглашении своего открытия.

Вторым номинатором был профессор Н.Д. Папалекси. Он впервые выступал в таком качестве и, что вполне понятно и даже простительно, составил номинацию некорректно. Он не только указал лишь фамилию Мандельштама, проигнорировав его соавтора, но не сослался и на работу Рамана. Можно предположить, что Нобелевский комитет не только этим двоим учёным отправил приглашения стать номинаторами: в СССР были физики и более авторитетные, чем Папалекси, вряд ли им не были направлены аналогичные предложения. Но они, по всей видимости, самоустраились. Разумеется, у адресатов комитета было право не ответить на приглашение, но они не могли не знать истинной ценности открытия своих коллег, и за их пассивностью можно предположить элементарную зависть.

Об экспериментах Ландсберга и Мандельштама было известно и за рубежом, но и иностранные физики активнее не проявили. Хотя самостоятельность и независимость открытий, сделанных в Калькутте и Москве, никем в то время (как, впрочем, и сегодня) не оспаривалась. В архивах Нобелевского комитета по физике хранятся отчёты двух уважаемых учёных – М. Борна и Ч. Дарвина – о VI съезде Русского физического общества, состоявшемся в Москве в 1928 году, где есть информация о работе их московских коллег. Так что при решении вопроса о премии комитет знал о заслугах советских физиков, но правила есть правила: кто первым заявил, тот и первооткрыватель. Было бы номинаций на них подано больше, возможно, судьба премии 30-го года сложилась бы иначе. А так каких-

то 104 дня отделили двух выдающихся учёных от заслуженной награды. Когда стало известно, что премию получит только индийский учёный, советское научное сообщество безмолвствовало.

Сам Раман отнюдь не был уверен в том, что станет единоличным обладателем заветной премии. Но в том, что он её получит, нисколько не сомневался. По воспоминаниям одного из его сотрудников, он купил билет на пароход в Стокгольм за два месяца до того, как узнал о решении комитета!

Ландсберг и Мандельштам никогда не высказывали недовольства решением Нобелевского комитета. Не в последнюю очередь потому, что понимали, какие обстоятельства вынудили их «опоздать» с публикацией. Обстоятельства эти к науке никакого отношения не имели. Достоянием гласности они стали благодаря И.Л. Фабелинскому, который в течение двадцати лет был близким другом и помощником Ландсберга. Дело в том, что 15 марта 1928 года арестовали Л.И. Гуревича, родственника Мандельштама. Он был приговорён к расстрелу, и учёные, отложив все дела, бросились спасать человека, вся вина которого состояла в том, что он вдруг оказался неугоден власти предрежающим. Никакое открытие не стоило в их глазах человеческой жизни. Произошло чудо – благодаря их хлопотам расстрел заменили поселением, куда Гуревич и отправился вместе с женой. И только после решения суда физики вернулись в лабораторию. Но время было упущено. И как оказалось – безвозвратно.

Выдающийся Виноградский

Если у Григория Ландсберга и Леонида Мандельштама были основания сетовать на

злой рок, помешавший им получить заслуженную награду, то Сергею Виноградскому винить было некого, кроме самого себя. Выдающийся микробиолог, открывший явление хемосинтеза, выдвигался на Нобелевскую премию дважды – в 1911-м по физиологии и медицине и в 1921-м по химии. Выдвинувший его в 1921-м году видный шведский бактериолог Кристиан Бартель аргументировал свой выбор тем, что теория Виноградского получила подтверждение в дальнейших исследованиях, а потому его открытие «остаётся одним из самых замечательных достижений в области биохимии». Хемосинтезики – единственные на земле организмы, не зависящие от солнечного света: они могут получать необходимую для жизни энергию из неорганических веществ, таких, как сера, железо, аммиак.

Открытие Виноградского было действительно сенсационным, поскольку до того считалось, что всё живое на Земле существует лишь благодаря Солнцу. Оно, безусловно, отвечало самым строгим критериям отбора претендентов на Нобелевскую премию. Злую шутку с учёным сыграл его собственный характер, или, если хотите, особенность его научного мышления: Сергей Николаевич очень быстро охладевал к тому, что для самого себя считал уже совершенно ясным и понятным. Зачем тратить время, когда в науке ещё столько неизведанного?

Сделав своё открытие в 1890-м, он почти сразу переключился на другие исследования. А 15 лет спустя, в 1905-м, он вообще отошёл от научной деятельности: после смерти отца он покинул Петербург, переехал в унаследованное имение в Каменец-Подольской губернии и занялся практическим сельским хозяйством. В 1917-м Виноградский покинул Россию, но к систематическим научным занятиям вернулся лишь в 1922 году. Получилось так, что обе номинации пришлось на период научного «простоя». Это, по всей видимости, и было решающим обстоятельством для экспертов Нобелевского комитета, да и солидный «срок давности» открытия, невзирая на его фундаментальность (вспомним историю с Менделеевым), тоже, вероятно, сыграл свою роль.

Премия для госпожи Коллонтай

Одной из немногих политических фигур советской России, понимавших важность постоянных и тесных контактов с Нобелевскими комитетами, была Александра Коллонтай, посланник, а впоследствии посол СССР в Швеции в 1930-45 годах. Из дипломатических игр, затеянных Москвой вокруг присуждения Нобелевской премии Бунину, она одна извлекла полезный урок: участие в Нобелевском движении могло бы существенно поднять международный престиж Советского Союза, в первую очередь политический, не говоря уже о научном. Ведь свет славы падает не только на лауреата, но и на страну, которую он представляет.

С 1934 года Александра Михайловна начинает систематически продвигать своему руководству идею о том, что в международном интеллектуальном пространстве существует весьма авторитетная сила, не считаться с которой крайне неблагоприятно. Она совершенно искренне полагала, что соперничество советских учёных и писателей с их зарубежными коллегами должно быть достойным. Однако Коллонтай была слишком советским человеком, чтобы не подходить к Нобелевскому движению с принципами, работающими в СССР.

Вот характерный пример. В сентябре 1934 года в Ленинграде должен был пройти VII Менделеевский съезд, приуроченный к столетию великого учёного. Коллонтай приложила немало усилий, чтобы на съезд был приглашён шведский химик В. Пальмер, симпатизировавший СССР, но главное – являвшийся членом Нобелевского комитета по химии. И ратовала она не столько за научные контакты, сколько за возможность предпринять некие шаги для того, «чтобы одна из научных премий (скажем, по химии — в связи с Менделеевским съездом) была

присуждена союзному учёному».

Трудно сказать, действительно ли была госпожа посол не в курсе, по каким принципам происходит номинирование на Нобелевскую премию, или надеялась, что комитет пойдет навстречу проявлениям дружбы со стороны Советского Союза и отступит от своих правил. Если в России присуждают награды по случаю круглых дат, то почему бы не создать такой прецедент и в Швеции. В любом случае подобные усилия результатов бы не дали: приём номинаций на премии 1934 года был прекращён за полгода до съезда, на который она возлагала такие надежды. А премия 1937 года к юбилейным торжествам уже никакого отношения иметь не могла. Как говорится – ложка к обеду.

Не исключено, что Коллонтай и впрямь имела весьма смутное представление о структуре и механизмах деятельности Нобелевского фонда. В её посланиях в Москву она путает Шведскую королевскую академию наук со Шведской академией (созданная по образу и подобию Французской академии, она ведала вопросами литературы и искусства), считает, что премии присуждает один комитет, хотя на самом деле их пять, вплоть до 1937 года проталкивает идею номинирования Отто Юльевича Шмидта, не подозревая, что за географические исследования премия не предусмотрена. Думается, что члены нобелевских комитетов не раз испытывали неловкость, когда официальный представитель иностранной державы пытался доступными ему средствами прозондировать почву на предмет «опремирования» своих соотечественников. Мысль о том, что в стране могут существовать учреждения, деятельность которых неподконтрольна правительству, явно не укладывалась в голове советского дипломата.

Можно только пожалеть о том, что деятельность госпожи посла не принесла желаемых результатов. Количество номинаций из Советского Союза уменьшалось с каждым годом. 1 декабря 1934 года был убит Киров, наступила эпоха Большого террора. Любые контакты с зарубежными организациями были равносильны самоубийству.

В 1945-м Александра Михайловна из-за тяжёлой болезни вынуждена была оставить дипломатическое поприще. Норвежский Нобелевский комитет передал в Национальный комиссариат иностранных дел (НКВД) СССР несколько экземпляров циркуляра о начале кампании выдвижения кандидатур на премию мира 1946 года в расчёте, что женщина, которая так много сделала на этом поприще, будет номинирована кем-то из её коллег. Но, как свидетельствуют архивы комитета, никто из советских граждан предоставленным правом номинатора не воспользовался. Кандидатуру Коллонтай предлагали только иностранцы. В итоге премия досталась двум американцам – Эмили Грин Болч «за многолетний неутомимый труд на благо мира» и Джону Рэлею Мотту «за миссионерскую деятельность».

Для «внутреннего употребления»

Идея учредить в Советском Союзе международную премию за выдающиеся научные достижения впервые возникла в 1945 году. Стране, победившей фашизм, хотелось перенести своё влияние и в сферы, с политикой непосредственно не связанные, но не менее значимые для государственного престижа. Да и зная тотального противостояния Западу по всем фронтам уже было расчехлено. Конкретные формы придать этой идее заместитель начальника Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) С.Г. Суворов, в ведении которого были вопросы науки. Он составил проект постановления ЦК, но бумага какое-то время видимо ждала своего часа в его столе. В декабре 1947-го она была отправлена по инстанциям. По всей видимости, с его лёгкой руки с самого начала эта премия заявлялась как альтернатива Нобелевской: к проекту соответствующего постановления ЦК прилагался список лауреатов Нобелевской премии по научным отраслям за период от момента основания до 1944 года.

Цель премии декларировалась как нельзя более благородно: «содействие прогрессу человечества в его борьбе за овладение силами природы и для поощрения выдающихся деятелей мировой культуры...» Премии размером в 300 тысяч рублей в советской или иностранной валюте должны были присуждаться за высшие научные достижения в обла-

сти физики, математики, химии, биологии, медицины и геологии. К премии полагался диплом, золотой нагрудный значок лауреата и золотая же настольная медаль с портретом выдающегося учёного мужа: Ломоносова, Лобачевского, Менделеева, Павлова, Пирогова и Карпинского соответственно. Церемония награждения должна была проводиться ежегодно 9 мая. Первые премии предполагалось присудить уже в 1949 году.

К проекту прилагалась пояснительная записка, аргументирующая необходимость такого шага:

Действительно, лауреаты Нобелевских премий являются крупнейшими учёными мира. Однако мировая слава Нобелевских премий не может скрыть от нас того факта,

что шведские Нобелевские комитеты на протяжении сорока с лишним лет проводят прогерманскую и антирусскую политику...

Дальше составители записки конкретизируют претензии. Почему почти треть премий в области науки досталась немцам, а СССР даже с учётом премий, полученных учёными царской России, занимает «13-е–17-е места, наряду с такими странами, как Тунис, Испания, Венгрия, Югославия, Индия»? В полемическом задоре товарищи «эксперты» приплели Югославию, которая на тот момент ни одной премии не имела. Но наибольшее впечатление должны были произвести фамилии учёных, открытия которых не были признаны Нобелевскими комитетами:

- П.Н. Лебедев – экспериментальные работы по обнаружению давления света;
- К. А. Тимирязев – исследования по фотосинтезу растений;
- А. М. Ляпунов – основоположник теории устойчивости;
- Н. Е. Жуковский и С. А. Чаплыгин – создатели теории современной авиации;
- А. Н. Крылов – основоположник современного кораблестроения и кораблевождения.

И что с того, что никто из перечисленных ими учёных, кроме П.Н. Лебедева, даже не номинировались на Нобелевскую премию! Составители документа могли, конечно, не знать, что, как бы ни было велико открытие учёного, если никто не удосужился отправить на него номинацию в комитет, кандидатура его рассматриваться не будет. Могли. Но такое незнание иначе как некомпетентностью не назовёшь. Впрочем, осведомлённость в таких «тонкостях» была бы им только во вред.

Но есть в этом документе пассаж, который можно расценивать как сознательное передёргивание фактов:

«Более того, нобелевские комитеты присуждали премии за научные достижения учёным различных стран и не замечали анало-

гичных или даже более ценных работ в той же области у советских учёных. Так, в 1913 году была присуждена премия голландцу Камерлинг-Оннесу за исследования свойств вещества при низких температурах, но обойдены работы Капицы, который несколько лет спустя произвёл более ценные исследования веществ, при температурах более низких, чем это было у Камерлинг-Оннеса, при этом открыл принципиально новое явление — сверхпроводимости гелия».

Когда Камерлинг-Оннес был удостоен Нобелевской премии, Пете Капице было всего 19 лет, а жидкий гелий голландец получил ещё раньше – в 1908 году. Сверхтекучесть же гелия, которая в документе ошибочно поименована сверхпрово-

У Александры Коллонтай был шанс получить Нобелевскую премию «за многолетний неутомимый труд на благо мира»

димостью, была открыта Капицей в 1938 году, через 12 лет после смерти Камерлинг-Оннеса. Свою премию за фундаментальные открытия в области физики низких температур Петр Леонидович получит спустя сорок лет – в 1978-м.

Но вернёмся к пресловутому проекту международной премии. В 1947-м ходу ему не дали: видимо, к тому моменту идею сочли неактуальной. Новая версия, исправленная и дополненная преемником Суворова на посту заместителя начальника Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Д.Т. Шепиловым, появилась в 1948 г. и выглядела несколько иначе. Премии предполагалось именовать Международными Ленинскими Советского Союза, соответственно датой вручения становилось 22 апреля. Количество премий увеличивалось до восьми, за счёт номинаций по общественным наукам, литературе и изобразительному искусству вкупе с музыкой, денежный эквивалент был доведён до 500 тысяч рублей. Дата первого присуждения сохранилась – 1949 год. Если бы постановление было принято, первых номинантов пришлось бы выбирать в страшной спешке. Но не пришлось.

Есть основания предполагать, что зарубил сию авантюрную идею Маленков, понимавший всю бесперспективность соревнования с отлаженной системой Нобелевских премий и их авторитетом. К тому же он прекрасно знал, как, кому и за что присуждаются государственные награды в Советском Союзе, и отдавал себе отчёт в том, насколько нежелательно посвящать в эту «кухню» международную общественность.

Охота на ведьм «по-научному»

После войны отношения между СССР и Нобелевским движением вышли на новый виток. Номинации на советских учёных и писателей сыпались в Нобелевские комитеты, как из рога изобилия: это была своего рода благодарность великой стране за огромный вклад в победу над нацизмом. Однако вектор спирали, частью которой был этот виток, указывал не вверх, а вниз.

С 5 марта 1946 года, с печально известной речи Черчилля в Фултоне начался отсчёт эпохи «холодной войны». 14 июля 1947 года Политбюро ЦК приняло решение о закрытии трёх академических англоязычных естественно-научных журналов.

Увертюрой же к кампании по борьбе с «низкопоклонством перед Западом» стало так называемое «дело Ключевой и Роскина». Московские микробиологи супруги Н.Г. Ключева и Г.И. Роскин во второй половине 30-х годов синтезировали препарат, который способствовал подавлению роста раковых клеток. Первые результаты опытов обнадеживали, но из-за скудного финансирования, отсутствия необходимой, прежде всего импортной, аппаратуры и пассивности непосредственного руководства учёных дальнейшие исследования шли очень медленно.

Близкий друг и коллега учёных, В.Н. Виктор, решил воспользоваться своим давним знакомством с А.А. Ждановым, всемогущим членом Политбюро ЦК. В марте 1946 года на его имя Виктор отправил письмо, в котором один из главных аргументов в пользу поддержки исследований выглядел так: «Есть данные утверждать, что США используют наш метод и обгоняют нас». И подчёркивалось, что учёные никакой информации американской стороне не передавали и даже воздержались от публикаций в отечественных журналах. Информация за рубеж просочилась благодаря крошечной заметке Роскина, опубликованной ещё в 1940 году в советском журнале, ориентированном на иностранное научное сообщество.

Гонку на опережение с американцами надо было выиграть. Поставили в известность Сталина, выделили средства, при Институте эпидемиологии и микробиологии создали специальную лабораторию. Летом лабораторию учёных посетил посол Соединённых Штатов и кое-кто из американских учёных. Невозможно себе представить, что эти визиты могли быть не санкционированы соответствующими инстанциями. Равно как и публикация Ключевой и Роскина в одном из французских научно-популярных журналов. Без ведома ЦК такое в принципе произойти не могло. 24 марта 1947 года в «Правде» вышла статья с высокой оценкой деятельности советских микробиологов.

Всё рухнуло именно в одночасье. Краска на правдивом тираже ещё высохнуть не успела, как учёных обвинили в «антипатриотизме» и предательстве интересов советского народа, поскольку они якобы передали секреты своих разработок американцам.

Сталин взял курс на подавление свободной научной мысли в стране. Чего стоит один только пассаж из выступления вождя на заседании Политбюро 11 июня 1948 года: «Дело Ключевой и Роскина показало, что у некоторых наших учёных нет чувства национальной гордости, патриотизма. <...> Идея об «интернационализации науки» – это шпионская идея. Ключевых и Роскиных надо бить».

Отмашка была дана. «Избиения» стали нормой в борьбе, но не с «антипатриотизмом», а с научными оппонентами и далее с личными врагами и конкурентами. Из научных работ стали пропадать ссылки на иностранные источники, приостановлен обмен статьями с зарубежными коллегами. С сентября 1947 года были прекращены публикации резюме на английском языке во всех научных и научно-технических журналах СССР. Охота на «учёных ведьм» набирала обороты.

Тихий бойкот нобелевских организаций превратился в открытую травлю. Их обвиняли в предвзятости, русофобии и, разумеется, в прислужничестве американскому капиталу. Нобелевские лауреаты, независимо от сферы деятельности и ценности открытий, объявлялись «пособниками поджигателей третьей мировой войны» и «марионетками американского империализма». Дикая эта вакханалия улеглась только после смерти «вождя народов». И то не сразу.

Но с 1955-го в истории советской нобелианы началась новая глава.

«...В ЯЗЫКОЗНАНИИ ЗНАЕТЕ ВЫ ТОЛК»

Алексей КИРИЛЛЕНКО

Специально для «Совершенно секретно»

20 июня 1950 года главная газета Советского Союза «Правда» опубликовала статью Иосифа Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». Статья представляла собой ответ Сталина «группе товарищей из молодежи», обратившейся к вождю с вопросами из области языкознания. Данная группа была всецело фантазией Иосифа Виссарионовича. 4 июля и 2 августа того же года вождь ответил в «Правде» уже конкретным лицам – Санжееву, Фуреру и другим.

Эти публикации были ответом на начатую «Правдой» (понятно, что по указанию Сталина) 9 мая дискуссию по вопросам языкознания. Она была открыта статьей грузинского лингвиста Арнольда Чикобава против академика Николая Марра и его «нового учения о языке». В период с 9 мая по 13 июня «Правда» опубликовала 12 статей (4 – против Марра, 4 – за него, и 4 – нейтральных). Своей статьей Сталин поддержал Чикобава. И началась активная кампания против «нового учения о языке» и Марра. Парадокс заключается в том, что сам Марр скончался за 16 лет до событий – в 1934 году.

Более того, в начале 1950 года прошла сессия Академии наук СССР, в ходе которой последователи Марра активно критиковали своих оппонентов. Однако 10 апреля 1950 года Сталин встретился с давним оппонентом Марра Арнольдом Чикобавой и первым секретарем ЦК КП Грузии Кандидом Чарквиани, и предложил Чикобаве написать антимарровскую статью.

Почему вождь, у которого было так много дел, вдруг занимается «разборками» последователей давно умершего академика? Чтобы это понять, нужно обратиться как к личности самого Николая Марра, так и к некоторым аспектам спора его с оппонентами.

ЗАГАДОЧНЫЙ ЯЗЫКОВЕД

Будущий академик Николай (Нико) Марр (1865–1934) был сыном шотландца и грузинки. Еще в гимназии он увлекся проблемами грузинской филологии вкупе с политическими проблемами (мечтал о независимости Грузии). С 1884 по 1934 годы прошел путь от студента факультета восточных языков Петербургского университета до действительного члена Академии наук. Его учителем был семитолог В.Р. Розен, а покровителем видный индолог академик С.Ф. Ольденбург.

Марр был единственным представителем дореволюционной Академии наук, который не просто принял революцию, но и стал адаптировать свои идеи под новую идеологию. Парадоксальность отличала его взгляды и до революции. Он одновременно поддерживал идею автокефалии Грузинской православной церкви, помогал в организации грузинских и армянских национальных школ и блокировался с черносотенными профессорами.

Сначала Марр активно увлекся грузинским языком и пытался доказать его родство с другими языками мира (в первую очередь, семитскими). Вскоре он увлекся и арменистикой, которая также стала предметом его постоянного интереса.

В 90-х годах XIX века Марр выступает с тезисом о яфетической ветви одной боль-

шой языковой семьи, в которую входят семитские и хамитские языки. К числу яфетических он отнес все картвельские языки (грузинский, мегрельский, чанский (лазский), сванский); абхазский, адыгский, кабардинский, чеченский, ингушский, языки народов Дагестана, древние языки Передней Азии и Месопотамии (эламский, шумерский и урартский). Он причислил к яфетическим языкам этрусский, пелазгский и даже дравидийские языки Южной Индии.

До 1923 года Марр считал, что распространение яфетических языков – это результат этнических миграций, а затем начал разрабатывать «новое учение о языке», объявив себя марксистом. По его мнению, «язык – это такая же надстроечная конструкция, как искусство и вообще искусство». Первичная звуковая речь состояла из четырех элементов: САЛ, БЕР, ЙОН, РОШ. Эти же элементы образуют этнонимы: РОШ: эт-руск, Пе-лазг, лез-гин; БЕР – и-бер, бер-бер, мариец. Они объявлялись общими для всех языков. Главной тенденцией в их развитии объявлялось развитие от сложного множества к единству. Отвергалось генетическое родство языков. Причина сходства языков – единство глоттогонического (языкотворческого) процесса. Высшей стадией развития языков объявлялись индоевропейские языки (они же языки господствующих классов). Яфетические языки – это древнейшие языки, носители «творческих начал эксплуатируемых социальных слоев такой глубочайшей древности». Через яфетическую стадию должны были пройти все языки.

Над Марром, его «яфетической теорией» и тем более «новом учении о языке» принято смеяться. Его творчество периода и яфетического учения, и «нового учения» считается чуть ли не результатом больного сознания «гениального сумасшедшего». Действительно в его личном поведении было много странного. Однако даже если Марр был психически больным лжеученым, то его деятельность наложилась на важную политическую задачу, как Российской империи, так и Советского государства.

Эта задача – интеграция полиэтнического и сложно устроенного Кавказа в общероссийскую государственность – как досоветскую, так и советскую. Ему нужно было

разработать некую панкавказскую языковую теорию, которая бы интегрировала Кавказ в России в качестве особой территории. Сначала Марр, как уже говорилось выше, ставил в центр своих исследований грузинскую проблематику. Затем – увлекся арменистикой. При этом он вошел в конфликт с влиятельными грузинскими учеными и политическими деятелями (например, с Ильей Чавчавадзе). Непростые отношения связывали его впоследствии и с армянской интеллигенцией.

К середине 1900-х годов Марр очень серьезно увлекся абхазской проблематикой. Более того, со временем она так увлекла его, что он даже принял участие в национально-государственном и культурном строительстве Абхазии. В 1924 году Марр разработал абхазский аналитический алфавит, который должен был стать, по его мнению, прообразом будущего всемирного алфавита.

Центрами распространения его учения в тот период были Дагестан, Абхазия, Чувашия, Азербайджан, Северная Осетия и Грозный, где издавался журнал «Революция и горец». Центрами оппозиции Марру были Тбилиси и Ереван, а ее лидерами – Арнольд Чикобава и Рачия Ачарян.

После смерти Марра в 1934 году Яфетический институт возглавил его ученик академик Иван Мещанинов. Фактически с периода 1934 года по 1950 год учение Марра превратилось в господствующее в советском языкознании. Репрессии почти не коснулись созданного на основе Яфетического института языка и мышления имени Н.Я. Марра (ИМЯ). Мещанинов становился дважды лауреатом Сталинской премии (1943, 1946), Героем Социалистического Труда, депутатом Верховного Совета РСФСР. Однако в 1950 году эта монополия закончилась.

ДИАЛЕКТИКА ОТНОШЕНИЙ СОВЕТНИКА И ВОЖДЯ

Историю похода Сталина на марризм обычно интерпретируют тремя способами. Первый способ объяснения – марасмирующий вождь решил стать «корифеем всех наук» и организовал дискуссию под влияни-

Еще одна область глубоких познаний Сталина - языкознание

ем «гостившего у него на даче профессора из Грузии». Вторая интерпретация сводится к тому, что хороший Сталин решил дать бой ученикам «вредного кавказского левака-космополита» Марра и встал на сторону классического русского языкознания. Третье объяснение говорит, что вождь, конечно, плохой, но и Марр – тоже негативный персонаж, и удар по марризму был правильный.

Все эти объяснения сводятся либо к антисталинским разоблачениям, либо к просталинской апологии. Однако игнорируется такой важный элемент как клановой контекст дискуссии вокруг марровского учения и других подобных дискуссий. Действительно во второй половине 40-х годов прошлого века страна была охвачена серией инициированных партийной верхушкой дискуссий в философии, языкознании, вокруг генетики, в физике.

Все эти дискуссии возникли не на пустом месте. После войны встал вопрос о том, куда идти дальше, каким курсом. Победа над Германией привела не только к расширению границ СССР и появлению советской зоны влияния, но и к тому, что перед обществом и государством нужно ставить новую цель. Ведь начиная с конца 20-х годов прошлого столетия СССР готовился к большой войне в Европе, которая в ряду объективных причин была неизбежна. В 1945 году эта война была выиграна. Что делать дальше? Особенно в ситуации надвигающейся холодной войны. Готовиться к противостоянию? Искать формулу «мирного сосуществования» двух систем?

Любой вариант ответов на эти вопросы предполагал трансформацию как собственно общественной жизни и политической системы, так и трансформацию государственного аппарата, армии спецслужб, науки и искусства. И вот тут начинается самое интересное. Сталин, конечно, не был безграмотным семинаристом, как его пытаются представить оппоненты. Но не был он и супер-образованным, и крайне начитанным «корифеем всех наук», каким его рисуют

почитатели. Он действительно был достаточно начитанным человеком. Видимо, у него не был простроен в должной мере и аппарат, который бы позволял самостоятельно судить, не попадая в зависимость от тех или иных экспертных групп.

А то, что на Иосифа Сталина (впрочем, как и на всякого правителя), стремились влиять через близких экспертов различные кланы и группировки, совершенно очевидно. Более того, ситуация конца войны и первых послевоенных лет привела к тому, что большинство партийных и иных аппаратных группировок в советском руководстве получили определенную самостоятельность. Сталин был вынужден давать ее кланам на тех или иных направлениях, так как упирался в собственные пределы компетенции.

И такая ситуация была не только в области политики, но и в науке. Научный мир – это сложно простроенная система школ и направлений в каждой сфере, находящихся друг с другом в сложных (если не прямо конфликтных) отношениях. Если просто мельком пролистать какую-нибудь книгу по истории ядерной физики, то там можно найти множество сюжетов о конфликтах различных школ.

Если же наложить это на советские реалии, то совершенно очевидно, что у каждой научной школы были свои покровители в партийном и государственном аппарате. Если мы посмотрим на ту же историю советского ядерного проекта, то там можно обнаружить борьбу кругов, ориентированных на академика Петра Капицу, и их оппонентов. Причем оппонентам Капицы протезировал Лаврентий Берия, а Капице – определенные военные круги. Если же говорить о той же генетике, то совершенно очевидно, что это была еще и борьба между сторонниками и противниками молодого заведующего отдела науки ЦК ВКП(б) Юрия Жданова, сына главного партийного идеолога Андрея Жданова и врага Трофима Лысенко.

И зачастую именно склока научных

Николай Марра

групп, связанных с теми или иными покровителями, задавала тон в дискуссиях второй половины 40-х годов прошлого века. При этом позиция Иосифа Сталина по многим вопросам определялась тем, кто из конкурентов успеет навязать ему свою точку зрения.

КАК НАТРАВИЛИ ВОЖДЯ НА АКАДЕМИКА

Если рассматривать под этим углом зрения ситуацию вокруг Марра, то совершенно очевидно, что у Сталина были основания критиковать его концепцию. Слишком она расходилась со многими его послевоенными идеологическими поисками. Марризм

был слишком левацкий и слишком интернациональный. Курс Сталина на частичное задействование великодержавной риторики требовал и определенных проекций на науку. Понятно, что в таком случае естественными союзниками Сталина становятся представители классической русской филологии во главе с академиком Виктором Виноградовым. Однако не Виноградов и его соратники подтолкнули вождя к атаке на марризм.

27 декабря 1949 года Сталин получает от первого секретаря ЦК КП(б) Грузии Кандида Чарквиани обширную записку с критикой теории Марра. К ней была приложена датированная 21 апреля 1949 года обстоятельная статья известного оппонента Марра Арнольда Чикобава.

10 апреля 1950 года делегация в составе Кандида Чарквиани, председателя Совета Министров Грузинской ССР Захария Чхубианишвили, двух грузинских республиканских министров и Арнольда Чикобава побывала на приеме у Сталина на его подмосковной даче. Вождь выслушал их аргументы. И изрек: «Напишите, а мы посмотрим».

В итоге 9 мая – меньше чем через месяц! – в «Правде» появляется статья Чикобава. Затем – дискуссия о Марре и марризме. И 20 июня – антимарровская статья самого Сталина.

Самое пикантное в этой истории то, что Чикобава – как и грузинский партийный руководитель Чарквиани – были давними клиентами Лаврентия Берии. Более того, отношения Чикобава и Берии доходили до того, что лингвист дарил шефу советских спецслужб книги по такой узкоспециальной теме, как грузинская филология. Одна из таких книг с дарственной надписью, датированная 16 апреля 1942 года, оказалась потом в личной библиотеке Сталина. Судя по всему, Берия просто отдал Сталину на ознакомление, а тот не вернул книгу.

В этой истории интересно три момента. Во-первых, что отношения Берии и

Чикобава были очень близкими (иначе как объяснить факт дарения книги в самый разгар войны). Во-вторых, что Берия интересовался такой узкоспециальной темой, как кавказская филология. В-третьих, что он разделял идеи Чикобава и даже пропагандировал их Сталину.

Судя по всему, желанием Сталина открыть дискуссию в языкознании и его недовольством марристами решили воспользоваться Берия и Чикобава. Причем воспользоваться, руководствуясь своими соображениями. Чикобава был не просто ученым-лингвистом, но и грузинским националистом. В частности, он считал, что абхазский и грузинский языки принадлежат к одной группе, и всячески подчеркивал вторичность абхазского языка и культуры по отношению к грузинским языку и культуре. Более того, он доказывал то, что картвельские и северокавказские языки принадлежат к одной – иберийской – языковой семье.

Напомним, что Абхазия и абхазский язык были предметом особого интереса Николая Марра. Кстати, отметим, что Марр, который не отрицал исторически глубоких связей между Абхазией и Грузией, но при этом подчеркивал определяющее влияние Абхазии на Грузию и роль раннесредневекового абхазского государства на формирование Грузинского царства. Что, впрочем, подтверждается любой объективной историографией.

Но научные интересы и взгляды Чикобава были интересны Лаврентию Берии с точки зрения большой политики. По крайней мере, политики региональной. Берия был активным сторонником размытия автономии Абхазии и грузинизации республики. Интересы политика Берии и интеллектуала Чикобава совпали. Однако у них не просто совпали интересы, но они сумели воспользоваться интересами вождя, который желал провести очередную проработку в очередной области научного знания.

НА ПРАВАХ РЕКЛАМЫ

ПОЛІТИЧНІ, ЕКОНОМІЧНІ, ІСТОРІЧНІ РОЗСЛІДУВАННЯ,
МАТЕРІАЛИ ПРО ДІЯЛЬНІСТЬ СПЕЦСЛУЖБ.
АНАЛІТИЧНИЙ ПІДХІД, СВОБОДА СУДЖЕНЬ, ІНФОРМАТИВНІСТЬ.

ПЕРЕДПЛАЧУЙТЕ НА 2020 РІК
в будь-якому відділенні Укрпошти

РЫНОК ЗЕМЛИ
№ 9/364
СЕНТЯБРЬ 2019
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК/УКРАИНА

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

РАЗМИНКА ЗАКОНЧИЛАСЬ
ИГРА

КОМПЛЕКТ:
"СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО - УКРАИНА" +
"СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО - УКРАИНА. СПЕЦВЫПУСК"
ИНДЕКС 49542
3 міс. — 65,25 грн.

Ф. СП-1

Міністерство транспорту та зв'язку України

АБОНЕМЕНТ на журнал _____
(найменування видання) _____ (індекс видання) _____
на 2020 рік по місяцях _____ Кількість компл. _____

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куди _____
(поштовий індекс) _____ (адреса) _____
Кому: _____
(прізвище, ініціали)

Доставна картка-доручення
на журнал _____
(індекс видання) _____

(найменування видання) _____
Вартість _____ передплата _____ Кількість компл. _____
на 2020 рік по місяцях _____

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

поштовий індекс _____ місто _____
код вулиці _____ село _____
буд. _____ корп. _____ кв. _____ область _____
район _____ вулиця _____
прізвище, ініціали _____

«СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО - УКРАИНА»
ИНДЕКС 35257
3 міс. — 37,77 грн.

«СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО - УКРАИНА. СПЕЦВЫПУСК»
ИНДЕКС 49056
3 міс. — 32,07 грн.

«СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО - УКРАИНА ЛЬГОТНЫЙ»
(Для передплатників попереднього періода та пенсіонерів)
ИНДЕКС 37104
3 міс. — 35,34 грн.

Передплатити також можна на сайті market.umh.ua або за телефоном (044) 207-97-25

УЛИЦА КОЛМОГОРОВА

Сергей ЛЕСКОВ

Специально для «Совершенно секретно»

Безымянный проезд, расположенный недалеко от МГУ, назвали в честь математика, гения, жившего среди нас.

В Москве появилась улица Академика Колмогорова. Район Раменки, недалеко от МГУ, с которым связана вся жизнь Колмогорова. Будем говорить прямо, сегодня имя Андрея Колмогорова помнят немногие. И это величайшая беда для страны, которая не сможет реализовать свои амбиции, если наука будет находиться на задворках общественного сознания и государственного интереса. При жизни Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии и кавалер семи (!) орденов Ленина Андрей Николаевич Колмогоров был знаменит и вызывал всеобщее, иногда даже паническое уважение. В истории нашей науки не было учёного, который состоял бы в таком количестве иностранных академий. Три десятка самых авторитетных научных сообществ мира!

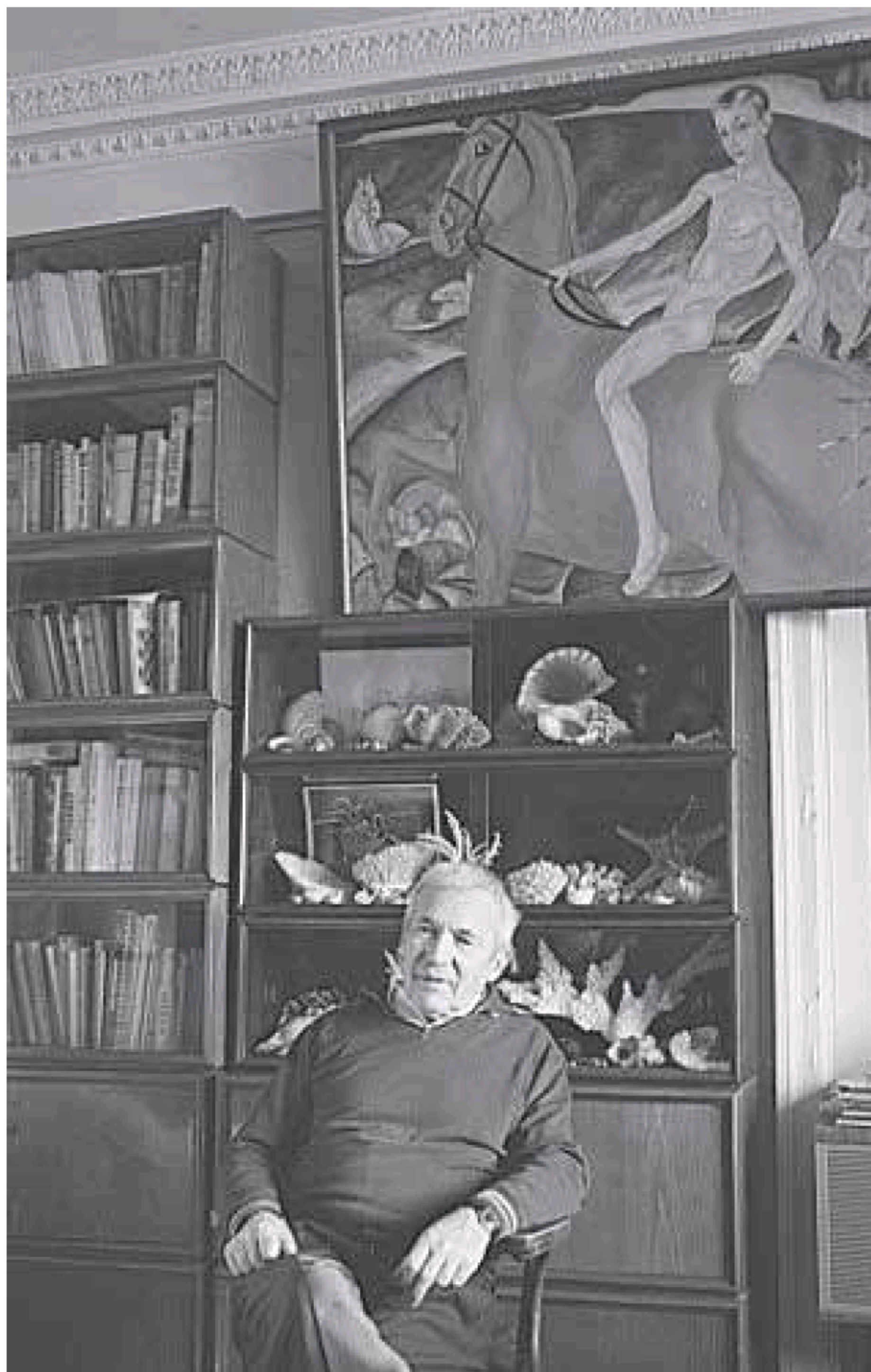
Профессором МГУ Андрей Колмогоров стал в 28 лет, а академиком – в 35. Сегодня наука перестала служить социальным лифтом, состарилась, обюрократилась, подчиняется чиновникам. Такой пылкий взлёт вообразить невозможно. Андрей Колмогоров в 1963 году стал первым лауреатом Бальцановской премии, которая была учреждена для восстановления справедливости, ведь математиков Нобель по таинственной прихоти обошёл премией. В тот же год Бальцановскую премию за гуманитарные достижения получил Папа Римский Иоанн XXIII. Он запомнился тем, что впервые пошёл на контакт с православной церковью, пытался сблизить социалистический и капиталистический лагери, встречался с зятем Хрущёва Алексеем Адзубеем. В прошлом году Иоанн XXIII причислен к лику святых.

Академика Колмогорова у себя на родине помнят немногие. В начале 2000-х годов ко мне приехал режиссёр с телевидения с идеей снять фильм о Колмогорове в честь его 100-летия. Мы поговорили, а на прощание режиссёр спросил, где найти револьвер академика? Я удивился – какой револьвер, откуда? Колмогоров даже охотой не увлекался. Из разговора режиссёр больше всего запомнил, что учёный занимался, в числе прочего, баллистикой. Из детективов мой собеседник точно знал, что для баллистики нужен револьвер. Я понял, что с таким потрясающим кружком фильм о великом учёном вряд ли состоится.

Предыстория с баллистикой такова. 23 июня 1941 года состоялось расширенное заседание президиума Академии наук СССР. Масштабы начавшейся войны ещё не были известны. Но было принято решение по военной тематике: все силы, все знания АН СССР должны быть отданы победе. Советские математики во главе с академиком-секретарём отделения физико-математических наук 38-летним Колмогоровым начали сотрудничество с Главным артиллерийским управлением и получили задание в области баллистики и механики. Колмогоров, используя свои исследования по теории вероятностей, предоставил расчёты оптимального рассеивания снарядов при стрельбе орудий разного калибра.

Внук предводителя дворянства

Андрей Колмогоров был внуком Якова Колмогорова, предводителя дворянства в Угличе. После Ипполита Матвеевича этот титул имеет для нас ироническую коннотацию. Но дед будущего учёного был серьёзным человеком – попечитель народных училищ Ярославской губернии. Дядя учёного профессор Иван Катаев – известный исто-

рик, автор популярных книг по истории России и Москвы, которые раскупаются по сей день.

Детство не сулило Андрею лёгкой жизни. Мать умерла при родах, отец погиб во время Гражданской войны. Его усыновила тётя, педагог божьей милостью. В Ярославле она устроила школу для детей разных возрастов, издавала рукописный детский журнал «Весенние ласточки». Свою первую работу по математике Андрей Колмогоров опубликовал в этом журнале. Это была придуманная им самим задача о том, сколько существует способов пришить пуговицу с четырьмя отверстиями. Малыш предложил алгоритм решения. Попробуйте решить на досуге.

В семь лет мальчика определили в частную гимназию Е. Репман в Москве. Гимназия находилась на месте нынешнего Дома поляриков на Никитском бульваре рядом с Домом Гоголя и напротив нынешнего Дома журналиста. Из этой гимназии вышло с десятком будущих академиков. Но какие педагогические приёмы использовались, кроме совместного обучения мальчиков и девочек, сейчас восстановить невозможно.

Кстати, со своей будущей женой Андрей Колмогоров учился в одном классе. Но для неё это был уже второй брак. Первый муж – тоже одноклассник, художник Сергей Ивашёв-Мусатов, который был арестован, работал в шарашке Марфино и стал одним из героев романа Солженицына «В круге первом». Мир, как говорится, тесен, и жена Солженицына Наталья Дмитриевна спустя

Колмогоров считал, что математика
сродни чистой поэзии....

много лет училась на мехмате МГУ у академика Колмогорова.

Несмотря на яркий математический талант, Колмогоров мог свернуть с математической стези. Щедро одаренные натуры с парадоксальным мышлением часто проявляют таланты во многих областях. В МГУ в первые студенческие годы Колмогоров занимался в семинаре по древнерусской истории. В 17 лет он сделал первый научный доклад о земледелии в Великом Новгороде XV века и выполнил математический анализ халоговой системы. Любопытно, что эта рукопись была найдена уже после смерти Колмогорова и опубликована в 1994 году.

Руководитель Новгородской археологической экспедиции академик Валентин Янин рассказывал мне, что Колмогоров не скрывал своего разочарования в историческом научном методе. Профессор, одобрив результаты, заметил, однако, что выводы юного дарования не могут быть окончательными, ибо в исторической науке необходимо несколько доказательств для каждого вывода. Колмогоров говорил: «И я решил уйти в науку, где для окончательного вывода достаточно одного доказательства». Трудно удержаться от морали, что история потеряла крупного учёного. Но ведь доказать это никак невозможно...

По прямой линии от Ньютона

О математике словами рассказать ещё сложнее, чем о музыке. Объяснить вклад Колмогорова в науку, что привело его к всемирному признанию, на житейском языке невозможно. Колмогоров считается отцом и создателем современной теории вероятностей. Колмогоров получил фундаментальные результаты в топологии, геометрии, математической логике, классической механике, теории турбулентности, теории сложности алгоритмов, теории информации, теории тригонометрических рядов, теории приближения функций, теории множеств, теории дифференциальных уравнений, теории динамических систем, функциональном анализе, статистической физике. Чуть ли не всё тело современной математики...

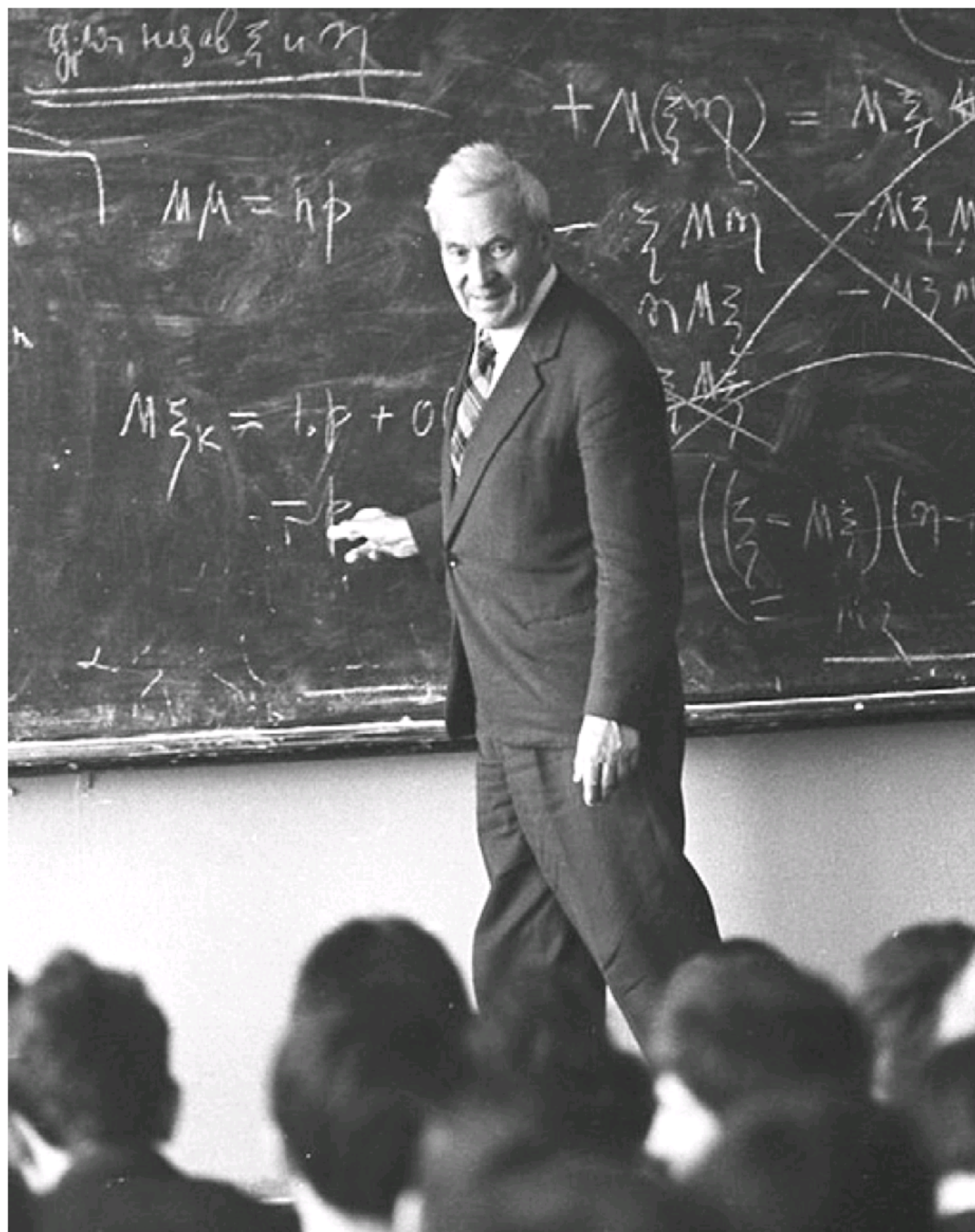
Решённые Колмогоровым математические проблемы – отдельный труд. Среди важнейших – решение 6-й и 13-й проблем Гильберта. В 1900 году лидер мировой математики Давид Гильберт, пытаясь составить конкуренцию перечню задач своего предшественника на математическом троне Пуанкаре, составил перечень из 23 важнейших проблем, которые должна решить математика в XX столетии. По силам оказались далеко не все. Колмогоров познакомился с Гильбертом в 1930 году в Геттингене ещё до его отставки в знак протеста против прихода нацистов к власти.

Из работ Колмогорова возникла серьёзная наука – теория вероятностей. Прежде эта дисциплина воспринималась как руководство по подбрасыванию монетки и попыток перехитрить рулетку в казино. Колмогоров внёс исключительный вклад в теорию турбулентности, объяснил сложнейший феномен вихрей. По легенде, эта работа вызвала зависть Ландау. Если бы в 1940-е годы наши учёные номинировались на Нобелевскую премию, эта работа, по общему мнению, несомненно, получила бы награду. Сам Колмогоров особо ценил свой вклад в теорию случайных процессов, а также построение функции ряд Фурье, которая расходится почти всюду.

В 40 лет Андрей Колмогоров, который к тому времени мог уже заболеть звёздной болезнью – он был самым молодым академиком, членом Президиума АН СССР, академиком-секретарём самого элитного физико-математического отделения, директором Института математики и механики МГУ, начал, как простой школьник, вести дневник. Среди первых записей имеется личная программа: «1. Дисциплина в выполнении скучных работ. 2. Уверенная и последовательная расчётка возможностей для спокойной работы над большими замыслами. 3. Борьба с соблазнами (сладости, чтение не вовремя), в том числе с неумеренным писанием в эту тетрадь. А где же любовь (христианская и нехристианская), о которой много размышляю и, может быть, слишком много говорю? Но, кажется, именно ради неё и надо сосредоточиться сейчас на указанных дисциплинарных правилах!»

Именно тогда Колмогоров женился на Анне Дмитриевне Егоровой, которая после ареста мужа осталась фактически вдовой. Этот брак, с учётом реалий эпохи, требовал от Колмогорова определённого мужества. Они чуть-чуть не дождались золотой свадьбы. С 15 лет его пасынок – Олег Ивашёв-Мусатов, теперь преподаватель МГУ, математик и художник.

Может быть, из-за того, что у Колмогорова не было своих детей, он с головой ушёл в педагогическую деятельность. Среди его учеников, в это трудно поверить, 20 академиков. Имена, без которых современная наука немыслима – Арнольд, Гельфанд, Никольский, Миллионщикова, Синай, Монин, Обухов, Баренблатт. Как шутил Колмогоров, один из моих учеников (Обухов) управляет земной атмосферой, а другой (Монин) – океанами. Вот мнение Владимира Арнольда, который по мировым рейтингам входит в пятёрку (как и Гельфанд) ведущих математиков современности:

«Колмогоров прожил большую и счастливую жизнь. Ньютон – Эйлер – Гаусс – Пуанкаре – Колмогоров: всего пять таких жизней отделяют нас от истоков нашей науки».

Фантастически мыслящая машина

К середине 1960 годов Министерство просвещения СССР пришло к заключению, что система преподавания математики в средней школе находится в кризисе и нуждается в реформах. Было признано, что в средней школе преподается устаревшая математика, а новейшие достижения остаются за кадром. Модернизация системы математического образования была проведена при участии Академии наук. Отделение математики рекомендовало академика Колмогорова. Под его руководством были созданы новые программы, написаны до сих пор не устаревшие учебники по математике: геометрии, алгебре

Колмогоров стал одним из инициаторов создания знаменитой школы-интерната при МГУ, где сам же преподавал, придумал журнал «Квант» для одарённой молодёжи. Теперь 18-й физико-математический интернат носит имя Колмогорова. Благодаря Колмогорову в стране началось движение физико-математических олимпиад, которые сейчас стали обычным и неотъемлемым для образования процессом. Победы на олимпиадах учитываются вместе с ЕГЭ при поступлении в университеты. Интересно, как отнесся бы к этой новации Колмогоров...

Лекции Колмогорова были сценичны, превращались в яркий творческий процесс. Студенты ходили вокруг академика, который поочерёдно руководил в МГУ многими кафедрами, табунами. Как вспоминает академик Альберт Ширяев, после минутного общения с Колмогоровым возникало ощущение, что беседуешь с фантастической мыслящей машиной. В каждом его слове прорывался бурный мыслительный процесс, стремление к поиску нового, необычного. Колмогорову было скучно говорить о том, что уже сделано. Многие студенты признавались, что Андрей Николаевич вызывает у них «паническое уважение».

У него исключительная, феноменальная память. Он, например, помнил наизусть всех римских пап. Мог описать виртуальное путешествие из Пекина в Ленинград со всеми встречными городами и речками. До 70 лет активно занимался спортом, бегал на лыжах,

другие? Но простота и есть признак гения.

Три гения

Однажды имя Колмогорова неожиданно всплыло в моем разговоре с другим ярким учёным – академиком Вячеславом Ивановым, сыном знаменитого драматурга Всеволода Иванова. Приведу фрагмент этого разговора.

– Вы встречались и дружили со многими выдающимися людьми ушедшего века. Были ли среди них, на ваш взгляд, гении?

– Прежде всего, Пастернак. Мы жили на соседних дачах, беседовали, он писал мне записки. Незадолго до смерти Борис Леонидович сказал, что, по его мнению, он занимается в искусстве тем, чем занимается наука: описывает не действительность, как она есть, ведь она закрыта занавесом, а движение этого занавеса, которое каким-то образом связано с тем, что скрыто за ним, но не больше. Этот взгляд соответствует вероятностной картине мира, квантовой механике.

Создателем теории вероятностей был академик Колмогоров. Ярчайший гений, и мне довелось вместе с ним работать. У него был очень широкий, философский взгляд на мир. Помню, он вычислил энтропию каждой строчки «Евгения Онегина», количество информации в каждом слове романа. Вывод был такой: для общества дешевле вырастить ещё одного Пушкина, чем создать программу, которая создала бы текст, сопоставимый с «Онегиным».

Гением был Пётр Капица, которого отличала абсолютная здравость мышления. Думаю, государство очень много потеряло, что не допустило его к государственной деятельности. Сталин с 1930-х годов поверил в то, что Капица – великий учёный. Он на Политбюро читал письма Капицы и спрашивал Берия: «Слушай, Лаврентий, как плохо он о тебе пишет». Сталин отвечал на эти письма! (Это спорное заявление. – С.Л.)

Капица вызволил из тюрьмы Ландау. Это был гигантский ум, он блестяще решал мно-

гие задачи, но из-за особенностей биографии предпочитал от многих вопросов отшучиваться. Сахаров принадлежал к тому же типу, что и Капица, но его здравому уму, мне кажется, не хватало оригинальности, что вовсе не означает ошибочности. Кстати, мозг у Сахарова был устроен как у Леонардо да Винчи: он мог писать левой и правой рукой независимые тексты, мог писать одновременно два зеркальных текста. Кстати, я не склонен думать, что гениальность связана с личными качествами. Здесь Пушкин преувеличил: с моралью всё очень сложно...

Чехов заблуждался по поводу математики

Конечно, учёный не может жить в башне из слоновой кости. Особенно в ту бурную эпоху, на которую пришлось жить гению математики. Спрятаться от политики за оградой тригонометрических рядов было невозможно. В молодые годы, а начале 1930-х годов Колмогоров молодюшно принял участие в политической травле знаменитого математика Николая Лузина, главы Московской математической школы. Только в большом воображении организаторов травли могли родиться упреки по поводу идеалистичной, буржуазной сущности математики. Чехов считал, что таблица умножения не имеет национальности, но Чехов заблуждался. Лузин не был исключен из академии и не был репрессирован, но с этого дела начались другие, гораздо более жестокие и непоправимые для страны гонения на науку. Однако в 1966 году Колмогоров был одним из немногих деятелей науки и искусства, которые подписали в Политбюро рискованное «Письмо 13» о недопустимости ползучей реабилитации Сталина. Многие не рисковали ставить свою подпись...

Колмогоров считал, что математика сродни чистой поэзии, просто в математическом мире разговор ведётся на математическом языке. И, конечно, математика была для него поэзией, а поэзия – математикой. Есть какая-то мистическая логика в том, что Колмогоров жил в подмосковной Комаровке в доме, который когда-то принадлежал семье Станиславского. Колмогоров провёл анализ ритмов в поэзии Гёте, которую знал блестяще. Он изучал музыку Вагнера, романы Достоевского, письма Чайковского и Танеева, был влюблен в поэзию Пушкина, Тютчева, Блока. Он блестяще знал архитектуру Русского Севера, иконопись, искусство Возрождения. Любознательность не оставляла его и в преклонные годы. До самых последних лет он любил щёлкать задачи на математических олимпиадах, которые повергали в ужас докторов наук.

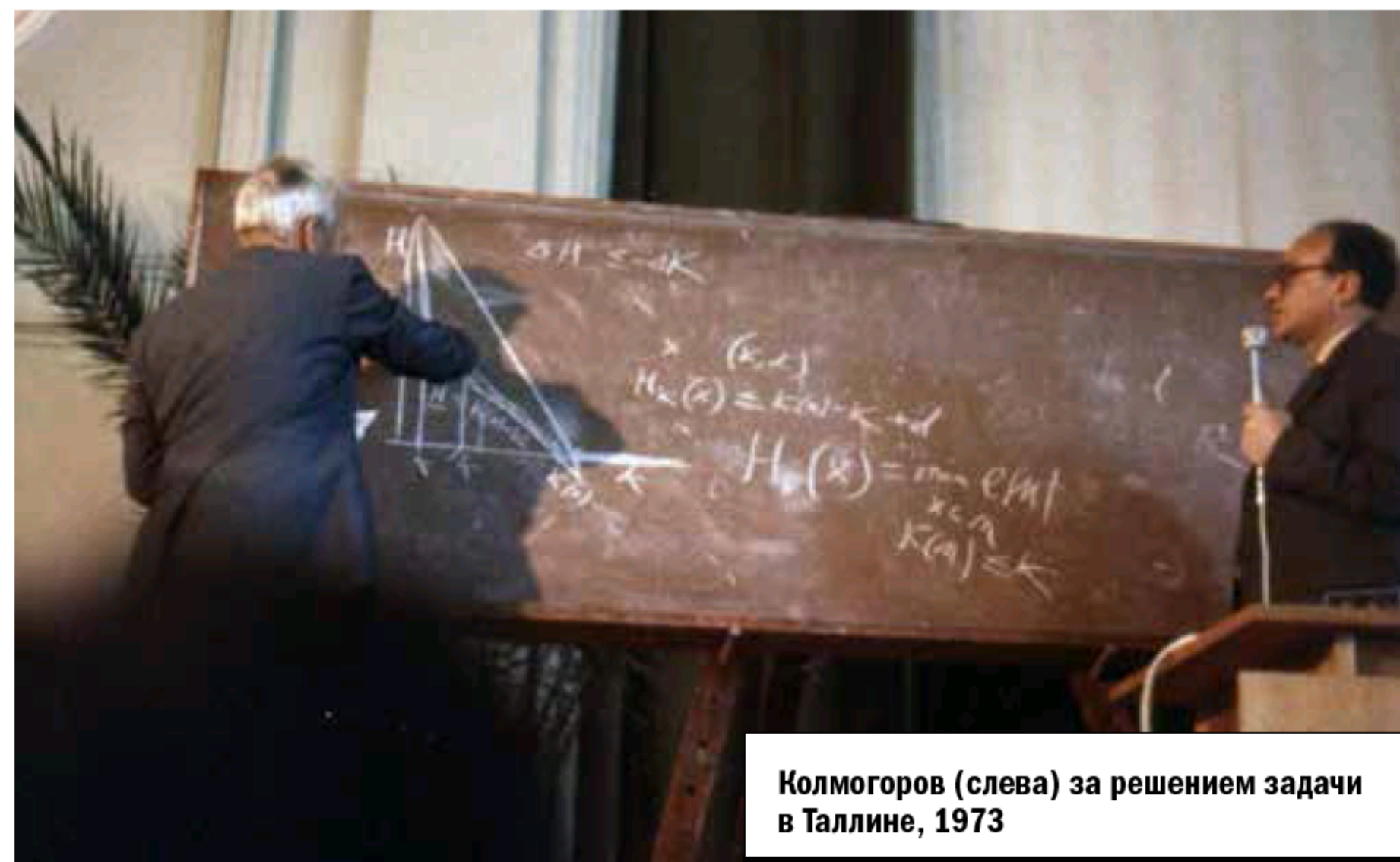
Напомню, в 40 лет Колмогоров составил поэтапный и точный план жизни на следующие 40 лет. От конкретных исследований до написания конкретных учебников. И он полностью выполнил свой план. За исключением последнего пункта – «Писание воспоминаний о прошлой жизни». Может быть, это символично. Потому что жизнь Колмогорова не закончилась. Он умер в 1987 году, когда не было ещё столь могучих ЭВМ, которые переписали лик математики. Но в Интернете в названиях 2500 представленных в Сети работ упоминается имя Колмогорова. Всего же упоминаний о нём – более 573 тысяч.

Колмогоров за составлением речи в Таллине, 1973

купался в ледяной воде. Потом, как истинный учёный, составил алгоритм: с каждым годом воду для обливания надо нагревать на 1 градус.

Учёному должно быть свойственно честолубие. Но Колмогоров раздарили свои идеи налево – направо. У него было концептуальное мышление, он умел моментально ухватить главное – и он щедро, понимая, что один не справится, отдавал идеи ученикам. Кстати, и деньги ученикам он раздавал так же щедро – без счёту, без записей. Всю Бальцановскую премию Колмогоров передал библиотеке МГУ. Коллеги поражались, насколько очевидной выглядела аксиоматика Колмогорова, возникло мистическое ощущение розыгрыша, почему, казалось, до этого не додумались

Колмогоров (слева) за решением задачи в Таллине, 1973

ИЗОБРЕТАТЕЛЬ ОКТАНОВОГО

Виктор МИШЕЦКИЙ

Специально для «Совершенно секретно»

В США Владимира Ипатьева называли русским гением, а на родине его лишили гражданства и звания академика.

Выдающиеся открытия академика Владимира Ипатьева в области органического синтеза и нефтехимии более чем удивительны. Владимир Николаевич не был дипломированным химиком, не оканчивал университет по специальности «химия». Тем не менее важнейшим открытием Ипатьева, опубликованным в 1936 году, стал каталитический крекинг, то есть процесс, обеспечивающий глубокую переработку нефти и дающий возможность выделить различные нефтяные фракции с получением высокооктанового бензина, а также газа, богатого органическими соединениями, которые, по технологиям Ипатьева, можно было эффективно использовать в дальнейшем. Строго говоря, Ипатьев создал то авиационное топливо, которое позволило американским и английским самолётам достичь решающего превосходства в скорости во время Второй мировой войны. К сожалению, самолёты Красной Армии использовали «ипатьевский» бензин далеко не так, как это было необходимо: к началу Отечественной войны даже имя Владимира Ипатьева было под запретом, его ученики и коллеги были репрессированы, его сын, тоже химик, отказался от отца. А сам Ипатьев, лишённый советского гражданства, жил и работал в Соединённых Штатах...

ИСКЛЮЧЁННЫЙ АКАДЕМИК

Известно предание о том, как Пётр Капица на вопрос президента АН СССР о его отношении к исключению из состава академии Андрея Сахарова ответил: «Это будет второй случай в истории науки. Первый – исключение Эйнштейна из Академии наук Германии во время правления Гитлера». Предание красивое, однако из советской Академии наук – Капица, скорее всего, преднамеренно эти случаи не упомянул – всего были исключены 49 академиков, впоследствии, правда, восстановленных в своём звании. Это были выдающиеся учёные, чьи имена теперь составляют славу мировой науки: физик-теоретик Георгий Гамов, филолог Михаил Сперанский, математик Яков Успенский, химик Алексей Чичибабин, биолог Николай Вавилов, историк Сергей Платонов...

Владимира Николаевича Ипатьева исключили из состава Академии наук на декабрьской сессии 1936 года. Химик-органик, организатор производства, Ипатьев был к этому времени создателем

научной школы, автором многочисленных трудов и научных публикаций. После сессии 1936 года книги Ипатьева были изъяты из научных библиотек, даже ссылка на его статью могла привести к самым трагическим последствиям.

Ирония только в том, что без достижений «отщепенцев-уклонистов» было трудно воевать, строить, работать. Развивать науку, в конце концов. Достижения исключённых и репрессированных можно было замалчивать, но отказаться от их использования было уже нельзя. Наиболее прославившее имя Ипатьева изобретение, высокооктановый бензин, отличающийся повышенной антидетонационной стойкостью, допускающей высокофорсированные режимы работы двигателя, наиболее важные для авиации, производить в СССР не могли. А ведь использование такого бензина улучшало все лётные характеристики самолёта – скорость, грузоподъёмность, скорость взлёта, работу двигателя на больших высотах и т. д. – на 20 – 40%. По мнению авторитетных учёных, именно высокооктановый «ипатьевский» бензин обеспечил победу британской авиации над Люфтваффе во время Битвы за Англию в 1940 году. Преимущество британских «спитфайров» и «харрикейнов» над германским Me109 достигалось за счёт того, что они управлялись именно этим бензином с октановым числом 100, а самолёты нацистской Германии использовали горючее с октановым числом 87. В частности, этот бензин позволил британскому пилоту Эммануилу Голицыну, потомку императора Павла I, выйти победителем из самого высотного боя над Британией в сентябре 1942 года. На высотах более 10 тысяч метров немецкие самолёты становились менее маневренными, заклинило и пушку на «спитфайере» Голицына, но ему хватило и первых выстрелов.

С 1943 года и советская авиация начала переходить на «ипатьевский» бензин, вот только получали его из США, по ленд-лизу. Общий объём поставок такого бензина за время войны был почти 1200 тысяч тонн. Кроме того, поставлялись и самолёты, летающие только на таком бензине. Именно на истребителе Bell P-39 Airacobra Александр

Покрышкин с весны 1943-го сбил 48 самолётов противника.

ХИМИК-САМОУЧКА

Весной 1882 года ученик шестого класса 3-й Московской военной гимназии 15-летний Владимир Ипатьев прочитал в учебнике физики небольшую главу, посвящённую химическим явлениям. Значительно позже Ипатьев вспоминал: «Мне казалось, что я впервые посмотрел на мир открытыми глазами, и мне захотелось учиться, чтобы полнее и лучше его понять».

В семье Николая Алексеевича Ипатьева и Анны Дмитриевны Глики было трое детей: помимо Владимира – дочь Вера и младший, Николай, впоследствии офицер, инженер и общественный деятель, владелец печально знаменитого Ипатьевского дома, в подвале которого был расстрелян вместе с семьёй, слугами и домочадцами последний император Николай II. Семейные обстоятельства не позволили Владимиру после гимназии поступить в университет – он стал юнкером, учащимся московского Александровского военного училища. В училище преподавания химии практически не было, Ипатьев осваивал эту науку самостоятельно, по учебнику органической химии выдающегося немецкого учёного Адольфа Кольбе. Правда, уже через два месяца Ипатьев перевёлся в петербургское Михайловское артиллерийское училище. Здесь он продолжил самостоятельно заниматься химией по учебникам «Основы химии» Дмитрия Менделеева и «Аналитическая химия» Николая Меншуткина.

После училища Ипатьев сдал сложнейшие экзамены в Михайловскую артиллерийскую академию. Чтение химической литературы не прошло даром – 23-летнего Ипатьева пригласили на Колпинский завод для анализа сталей и чугунов, а вскоре Владимир Николаевич стал самым молодым членом Русского физико-химического общества. На заседаниях общества Ипатьев познакомился с основателем отечественной металлографии Дмитрием Черновым, предложившим ему подключиться к исследованиям структуры стали. Доклады Ипатьева,

сделанные на заседаниях общества, были высоко оценены Дмитрием Менделеевым и одним из основоположников химической термодинамики Дмитрием Коноваловым.

В мае 1892 года Владимир Ипатьев был выпущен из академии, но оставлен в ней в должности репетитора. К этому времени Ипатьев заинтересовался органической химией, тем более что на выпускном курсе лекции в академии читал Алексей Фаворский, ученик великого Бутлерова. В мае 1895 года Ипатьев защитил диссертацию, а Русское физико-химическое общество присудило Ипатьеву за эту работу малую премию имени Александра Бутлерова.

Диссертацию Ипатьев защитил в 1895 году, а докторскую – в марте 1908 года в Петербургском университете. Так как Ипатьев продолжал оставаться на военной службе, то рос в чинах: в 1904 году – полковник, в 1910-м – генерал-майор, первый русский генерал, имевший докторскую степень по химии.

ОСОБА, ПРИБЛИЖЁННАЯ К ИМПЕРАТОРУ

В годы Первой мировой войны Владимир Ипатьев уже генерал-лейтенант, председатель Химического комитета Главного артиллерийского управления русской армии. Данный комитет, в который по инициативе Ипатьева были включены крупнейшие русские химики, осуществлял организацию производства порохов, взрывчатых веществ и лекарств, руководил поисками новых источников сырья, направлял проведение «военных» химических исследований.

Позже Ипатьев так оценивал свою работу на посту председателя комитета: «Войну мы свободно могли продолжать ещё очень долгое время, потому что к январю и февралю 1917 года мы имели громадный запас взрывчатых веществ в миллионах различных снарядов и, кроме того, более миллиона пудов свободных взрывчатых веществ». К слову, созданные под руководством Ипатьева запасы позволили ещё четыре года вести ожесточённую Гражданскую войну...

Постепенно Владимир Николаевич стал и близким человеком для императора, получавшего большое удовольствие от общения с человеком широкого кругозора и глубоких знаний. Ипатьев регулярно получал приглашения на обеды и завтраки у Николая II, однако не пользовался особой симпатией императрицы из-за того, что не мог сдерживать своего критического отношения к Распутину.

КОНСТИТУЦИОННЫЙ МОНАРХИСТ НА СЛУЖБЕ БОЛЬШЕВИКОВ

Октябрьскую революцию Владимир Ипатьев, будучи по убеждениям сторонником конституционной монархии, не принял. Однако после тяжёлых раздумий пришёл к выводу, что только большевики во главе с Лениным способны спасти Россию от развали и развала. Поэтому Ипатьев отказался как от предложений уехать на Запад для продолжения научной карьеры, так и от исходивших от высших офицеров предложений присоединиться к Белой армии. Скорее всего, такое решение видного царского сановника можно объяснить только тем, что Владимир Николаевич был убеждён, что служит он не верховной власти, не отдельным личностям, а народу и России. Верность властям и государству Ипатьев считал делом вторичным и необязательным.

Уже в ноябре 1917 года Лев Карпов, член Чрезвычайной комиссии по снабжению при правительстве большевиков, предложил Ипатьеву сотрудничество в деле развития химической промышленности. Владимир Николаевич ответил согласием, в январе 1918 года он собрал Химический комитет и призвал к сотрудничеству с новым правительством. В 1919 году Ипатьева назначают председателем Технического совета хими-

Генерал-лейтенант Владимир Ипатьев

БЕНЗИНА

ческой промышленности при ВСНХ. Под его руководством теперь находятся организация научных работ в области химии, фактическое управление химической промышленностью, а после смерти Карпова в 1921 году Владимир Николаевич стал членом Президиума ВСНХ и членом Госплана, руководил Главхимом, будущим Министерством химической промышленности. Он неоднократно встречается с Лениным, называвшим Ипатьева «главой нашей химической промышленности» и фактически давшим ему карт-бланш как внутри, так и за пределами РСФСР. В наиболее затруднительных ситуациях Ленин предложил звонить или телеграфировать ему лично. Многим твердокаменным большевикам претило такое выдвижение «царского сановника». Так, в 1922 году, когда Ипатьев находился в заграникомандировке, Главхим был без его ведома упразднен, также обсуждался вопрос о выводе Владимира Николаевича из состава Президиума ВСНХ, но Ленин дал указание, чтобы «Ипатьев входил в состав Президиума ВСНХ при всяком числе его членов».

Многие исследователи жизни и творчества Ипатьева пытались найти ответ на вопрос, чем объяснить такой компромисс со стороны Владимира Николаевича? Объяснить только высшими соображениями служения Родине вряд ли возможно. Во всяком случае парадоксальной является оценка поведения Ипатьева, исходившая от самых близких для него людей. У Ипатьева были три сына и дочь. Старший сын, Дмитрий, погиб в 1916 году на фронте в боях под Вильно. Средний сын, Николай, пошёл в Белую гвардию, покинул Россию и при первой встрече с отцом уже за границей не поддал ему руки как «продавшемуся Советам». Младший сын, Владимир, вынес отцу приговор 29 декабря 1936 года на собрании Академии наук как невозвращенцу, отказавшемуся от Родины, недостойному быть её гражданином.

АКАДЕМИЧЕСКИЙ ВРЕДИТЕЛЬ

Тучи над головой Ипатьева начали стучать особенно после того, как властных полномочий лишился Лев Троцкий. Ведь Ипатьева связывали с Троцким тесные, почти дружеские отношения. Владимира Николаевича вывели из Президиума ВСНХ, о чём он, по логике того времени, узнал из газет. Празднование 60-летнего юбилея стало последним «светлым пятном» в жизни Ипатьева на Родине. На Лубянке накапливались доносы по поводу частых поездок

Ипатьева за границу, о том, что там он якобы встречался с врагами СССР. Также ему не могли простить отказ вступить в партию: Ипатьев открыто говорил, что его убеждения в значительной степени не совпадают с коммунистическим учением.

После 1926 года начались аресты коллег, близких друзей, учеников. Под гнёт ГПУ попали те, кого Владимир Николаевич отправлял за границу для закупки оборудования, для обмена опытом. Особую тревогу у Ипатьева вызвал арест Евгения Шпитальского и Леонида Рамзина. Шпитальский в январе 1929 года был по представлению Ипатьева избран членком АН, арестован через месяц, приговорён к расстрелу, заменённому 10-летним одиночным тюремным заключением. Рамзин, член Госплана, ВСНХ и один из главных разработчиков плана ГОЭРЛО, стал главной фигурой на думом процессе так называемой Промпартии, которой он якобы руководил, также был приговорён к расстрелу, заменённому на 10-летнее заключение, и отбывал заключение в одной из первых «шарашек» ГПУ.

Ипатьев ходатайствовал об освобождении Шпитальского, Рамзина и других учёных, ручался за их честность, пытался убедить органы в надуманности обвинений, но безрезультатно. Его самого всё чаще и чаще вызывали в ГПУ, где припоминали генеральское прошлое, близость к Николаю II, контакты с Троцким, с «вредителями», называли «академическим вредителем». Всё предвещало его близкий арест.

ОТПУСК В АМЕРИКЕ

Решение эмигрировать, крайне тяжёлое для Владимира Ипатьева, он окончательно принял в 1930 году. В июне этого года он получил персональное приглашение на Международный энергетический конгресс в Берлине. Оформление документов задерживалось, но одного из делегатов арестовали, а кроме того, в ГПУ были осведомлены, что у Ипатьева практически неизлечимая болезнь – рак горла.

Ипатьев вместе с женой выехал в Берлин, затем получил разрешение задержаться на лечение сроком на один год. Во Франции, куда чета Ипатьевых прибыла в конце 1930 года, деятели русской эмиграции приняли учёного очень холодно. Ему не могли простить «перерождение» из генерала императорской армии в деятеля большевистского государства. Имя Ипатьева вызывало также острую неприязнь ещё и потому, что в доме его брата Николая в Екатеринбурге была расстреляна царская семья. Поэтому уже в сентябре 1930 года Ипатьевы оказались в США.

Химическая лаборатория профессора Байера. Мюнхен. 1896-1897 годы. Крайний справа в первом ряду Владимир Ипатьев

В Чикаго Ипатьеву была успешно сделана операция, и вскоре он начал читать курс лекций по катализу в Чикагском университете, а также приступил к исследованиям по контракту с фирмой UniversalOilProductsCo (UOP) в оборудованной специально для него лаборатории. В 1931 году отпуск Ипатьеву продлили на три года, но в 1935 году он получил уведомление с ультимативным требованием о возвращении. Приходящие из СССР сведения вызывали тревогу. Ипатьев отказывался верить в происходящее. Так, был арестован и сослан хорошо знакомый академик, физик Пётр Лазарев, арестовали и позже расстреляли самого старшего из учеников, профессора Николая Орлова. Ипатьев пришёл к убеждению, что арест при возвращении неизбежен.

В ответе на ультиматум он изложил причины, мешающие возвращению в СССР: обя-

зательства перед фирмой UOP, болезни и возраст, а главное, то, что результаты его работы в США могут использоваться в СССР. Тем не менее Общее собрание АН СССР постановило лишить Ипатьева звания академика, а ЦИК лишил его советского гражданства. Так Владимир Николаевич остался в США, продолжая на основе имеющегося задела успешно решать задачи катализа для нефте- и органической химии. В 1935 году он первым предложил промышленный каталитический крекинг, который безотлагательно был внедрён в промышленность. Фирма Shell стала выпускать до 3000 кубических метров в час высокооктанового бензина. Работы Ипатьева привели к ряду выдающихся изобретений, которые быстро нашли широкое всемирное практическое применение. Прежде всего это синтез и полимеризация этилена, пропилена, дивинила, изопрена и других наиболее распространённых полимеров, что даёт основание считать Ипатьева отцом современной промышленности полимеров.

Младший брат Николай и его дом, в подвале которого расстреляли царскую семью

Химическая лаборатория Михайловской артиллерийской академии, где занимался опытами Владимир Ипатьев

БЕЗ ПРАВА ВОЗВРАЩЕНИЯ

Постановление ЦИК навечно запрещало Владимиру Ипатьеву возврат на родину. Тем не менее уже во время Отечественной войны он неоднократно обращался к послу СССР в США Громыко с просьбой разрешить ему вернуться, предлагал свой опыт военного химика, но или получал отказ, или его просьбы оставались без ответа.

До самой смерти, наступившей 29 ноября 1952 года, Ипатьев трудился в лаборатории: «...Я как военный старый конь, который как услышит военную музыку, тотчас начинает проявлять особую живость, вспоминая прежнюю службу, так и я, пришедши в лабораторию, не могу удержаться от того, чтобы не взять пробирку в руки и не начать проверку новых опытных результатов», – говорил Владимир Николаевич. Его творческое наследие составили около 400 научных статей, несколько десятков книг, более 200 изобретений, защищённых патентами США. На могильной плите великого учёного осталась надпись: «In Memory of Russian Genius Vladimir Nikolaevich Ipatieff. The Inventor of Octane Gasoline» («В память о русском гении Владимире Николаевиче Ипатьеве. Изобретателе октанового бензина»).

ОТЕЦ БАКТЕРИОЛОГИЧЕСКОГО ОРУЖИЯ

Андрей КОЛОБАЕВ

Специально для «Совершенно секретно»

Главный государственный санитарный врач СССР Пётр Бургасов: «Нас обвиняли, что мы испытали секретный вирус на гражданах Советского Союза!»

В этом году исполнилось бы сто пять лет выдающемуся эпидемиологу и иммунологу, академику АМН СССР Петру Николаевичу Бургасову. Человек уникальной судьбы, он оставался последним из ныне живущих учёных, кто занимался исследованиями бактериологического оружия в СССР. О таких обычно говорят: он слишком много знал. А знал и повидал на своём веку Пётр Николаевич действительно немало. В начале 1950-х его непосредственным начальником был Лаврентий Берия, лично курировавший их секретную спецгруппу. В течение 21 года – с 1965 по 1986 год, на которые и пришлось вспышки холеры Эль-Тор в Астрахани, Ростове-на-Дону и Одессе, свердловская эпидемия сибирской язвы и несколько других «засекреченных» трагедий, – генерал Бургасов был главным государственным санитарным врачом Советского Союза.

Незадолго до смерти военный медик издал книгу «Я верил...» тиражом всего тысячу экземпляров и дал интервью журналисту «Совершенно секретно» Андрею Колобаеву, где откровенно рассказал «о времени и о себе», открыл многие тайны XX века, заодно предупредив человечество о грядущих угрозах. Ровно десять лет как академика не стало, а его откровения не теряют актуальности до сих пор.

Дал телеграмму: «Москва. Кремль. Сталину»

Пётр Николаевич стал медиком случайно, как он сам выражался, «благодаря полукриминальной истории с подделанной метрикой». Родился он в кузнице советского оружия – Туле. После семилетки закончил местное ФЗУ с самым высоким – седьмым – слесарным разрядом и сразу был назначен бригадиром. Делали охотничьи ружья. Когда встал вопрос о повышении квалификации, они с приятелем, недолго думая, отнесли свои документы на четвёртый курс рабфака Индустриального института. Пришли сдавать экзамены, а им говорят: «Пятнадцатого года рождения? Не проходите по возрасту, приходите на будущий год». Что делать? Целый год терять жалко. И тогда парни пошли на хитрость: капнули уксусную эссенцию в свои метрики, вместо «пят» написали «четырь», то есть на год стали «старше». Но поскольку в приёмной индустриального их уже знали, оставался единственный вариант – рабфак Второго медицинского института. Сдали все экзамены на пятёрки и поступили.

После окончания рабфака Бургасов поступил на врачебно-физкультурный факультет Московского мединститута, который закончил в 1938 году с отличием. Но и дальше жизнь продолжала преподносить сюрпризы, испытывать на прочность. В Туле арестовали его брата. Как только об этом стало известно, молодому медику завернули заявление о приёме в партию, отказались брать на работу, стало жить не на что. Вдруг вызывают в ЦК КПСС. Он приехал, заполнил анкету – пять строчек биографии. В конце приписал: «Арестован брат». В ответ услышал: «А мы это знаем. Тем не менее, предлагаем вам, товарищ Бургасов, поступить в аспирантуру».

«А я, честно говоря, вообще никогда не думал об аспирантуре, – рассказывал Пётр Николаевич. – Был готов поехать врачом в любую глубинку – на Колыму, на Камчатку, к черту на кулички... Спрашиваю: «А по какой специальности?» – «По микробиологии». Я засмеялся: «Что вы! Ещё по хирур-

Руководители здравоохранения и медицинской науки (слева направо) А. Павлов, П. Бургасов, Б. Петровский, Т. Болдырев, Е. Смирнов, Н. Жуков-Вережников, А. Бурназян, В. Жданов, Ф. Кротков

гии, куда ни шло». В ответ начальник отдела кадров ЦК Трапезников говорит: «У вас по микробиологии пятёрка стоит. А заведующий кафедрой Кричевский, который ставил вам эту оценку, арестован. Если завтра всех будут арестовывать и не будут никого готовить, кто будет двигать вперёд советскую микробиологию?!» И добавляет: «Напрасно вы упорствуете, в ЦК этот вопрос уже решён положительно».

Так Бургасов стал аспирантом Всесоюзного института экспериментальной медицины имени Горького, попал в отдел так называемых особо опасных инфекций – чумы, холеры, оспы. Едва успел закончить аспирантуру, началась Финская кампания. Бургасова вызвали в райком. «Знаем, что вы спортсмен. Сформирован 72-й отдельный лыжный комсомольско-добровольческий батальон, и там нет врача. Вы согласны?» «Согласен».

Позже генерал вспоминал: «1940 год. Заканчивается финская, выходит постановление за подписью Сталина: всех добровольцев отпустить по домам. А меня аттестовали, повесили «шпалу» военврача третьего ранга и отправили в полк начальником санитарной службы. Куда я только не писал, даже в ЦК, мне отвечают: «Вы ещё нужны в армии!» Помню, мы стоим под Псковом, озёра кругом, рыбалка... Иду однажды с рыбалки мимо почты и думаю: дай-ка в Москву телеграмму дам. Беру бланк, пишу: «Москва. Кремль. Сталину. Меня в нарушение вашего постановления

держат в полку. Прошу вашего решения». Начальник почты ни в какую, перепугался насмерть: «Ты что – сумасшедший?» Еле я его уговорил... Самое удивительное, что через одиннадцать дней на имя командира приходит телеграмма: «Немедленно освободить товарища Бургасова от занимаемой должности. Доложить причины задержки добровольца». Подпись: «Сталин»

Эпидемиологом сделала вошь

Во время Великой Отечественной 26-летнего Петра Бургасова назначили главным эпидемиологом 59-й армии Волховского фронта. По его словам, во время войны массовых эпидемий не было. В первую очередь, благодаря прививкам. Больше всего боялись, что немцы будут использовать в военных целях возбудитель чумы и усиленно к этому готовились: на всякий случай прививали армию противочумной вакциной. Но, к счастью, худшие опасения не оправдались.

Чуть позже, когда учёный стал заниматься бактериологическим оружием по существу, выяснилось, что возбудитель чумы использовать как оружие вообще очень трудно – он слишком чувствителен к внешней среде.

Секретный советский полигон на острове Возрождения в Аральском море

Пётр Бургасов вспоминал о фронтовых буднях: «Эпидемия» на фронте была одна – высокая смертность, она косила сильнее любой чумы. Из нескольких только что прибывших на фронт дивизий через три дня боёв оставалась лишь треть личного состава. Поэтому если какая-то зараза-инфекция и заносилась, она просто не успевала распространиться. А знаете, что было самое страшное на войне с точки зрения медицины? Не поверите! Вши! Я никогда не знал особенности этого паразита (к слову – он основной источник распространения сыпного тифа!). Оказывается, стоит выписавшемуся из госпиталя, вымытому, одетому во все чистое обмундирование бойцу сесть в вагон поезда, в котором едут не мывшиеся неделями солдаты, через час все вошки вагона соберутся на нём и только на нём. Это невероятный паразит! Он мгновенно покидает больного или грязного человека и переползает на чистого и здорового. Вот представьте: приходит эшелон, всё грязное бельё сваливают в один угол, а в метрах пяти складывают чистое бельё из прачечной. Стоит вам через час пройти между этими двумя точками, вши аж хрустят под ногами – они с грязного бельё перебегают на всё чистое. Как они чувствуют?! Потрясающе! Так что когда меня спрашивают, как я стал эпидемиологом, я всегда отвечаю: «Вошь меня сделала!» Я во время войны стал бороться со вшивостью и, видимо, добился больших успехов».

Берию убили, причём зверски!

В июне 1946-го в жизни Петра Николаевича случился ещё один примечательный эпизод, на этот раз не имеющий отношения к науке, о котором мало кто знает. Отдыхая на подмосковной речке Клязьме, он вдруг услышал дикий крик о помощи. Не раздумывая бросился спасать и вытащил из воды человека, который уже пошёл ко дну. Сам чуть не утонул...

Вот как он это описывал в своей книге: «С превеликим трудом я его вытащил на берег, положил на живот, из него пошла вода... И тут спускаются с пригорка две женщины, тормошат его. Он очнулся, приговаривает: «Целуйте его, целуйте – он меня спас!» Одна из женщин говорит: «Знаете, кого вы спасли? Вы спасли будущего великого артиста!» И называет фамилию – Вицин».

...В апреле 1950 года эпидемиолога Бургасова перевели на работу в Совет Министров. Там под началом Лаврентия Берии создавалась специальная секретная группа, занимавшаяся исследованиями в области всех видов оружия массового поражения. Бургасов отвечал за бактериологическое оружие.

Учёные обобщали все разведанные материалы – над чем работает Америка, Англия... Ежемесячно Пётр Николаевич калиграфическим почерком записывал в два красных тиснённых блокнота, какие разработки ведутся в СССР и в мире и каковы наши прогнозы. Один блокнот был у Сталина, другой – у Берии. От всех остальных информация была строжайше засекречена. «Мы фактически подчинялись Лаврентию Павловичу Берии. Я встречался с ним по три-четыре раза в неделю... Пока его не убили».

В своей книге и во всех своих последних интервью генерал Бургасов утверждал, что считает своим долгом открыть правду об убийстве Берии. Не расстреле, а именно убийстве. Как? Он не знал официальной версии? Разумеется, знал прекрасно. Она такова: 26 июня 1953 года во время совещания Совета Министров СССР Лаврентия Берия арестовала группа генералов во главе с маршалом Жуковым. 23 декабря его судили (есть стенограмма Специального судебного Присутствия Верховного суда СССР под председательством маршала И. С. Конева с «последним словом Берии»), приговорили к «высшей мере». И в тот же день в бункере штаба Московского военного округа расстреляли, а тело сожгли в печи 1-го Московского (Донского) крематория.

С детьми – Мариной и Сергеем. 1949

Пётр Николаевич подобный сценарий отрицал категорически. Значит, были на то веские основания. Какие? Во время нашего интервью он жёстко сказал: «Более 50 лет живу с ощущением, что сначала свершилось беззаконие, затем всем нам подло соврали, а факты сфальсифицировали. Ни у меня, ни у моих коллег все эти годы не было никаких сомнений, что Берия убили, причём зверски, без суда и следствия во время ареста в его особняке на Малой Никитской улице, и этому были свидетели. Правда, сейчас я, пожалуй, остался единственным свидетелем тех трагических событий. И прожив долгую, трудную и содержательную жизнь, я не могу уйти в «потусторонний мир», унести «тайну» этого убийства»

Вот что рассказывал академик Бургасов: «26 июня 1953 года примерно в три дня у нас в отделе появился сын Лаврентия Павловича Серго и зашёл в кабинет Ванникова (Борис Львович Ванников – начальник Первого главного управления при СНК СССР, руководитель «атомного проекта». – Ред.). Помню, я удивился. Во-первых, инженер-полковник Серго Берия – он занимался ядерным оружием и космосом – раньше никогда не появлялся днём. Младший Берия и академик Курчатов (которые, как мне казалось, были неразлучными друзьями) посещали спецгруппу регулярно в час-два ночи, не раньше, а потом также исчезали – чтобы успеть на доклад к Сталину, который уезжал из Кремля ровно в три. Позже я зашёл к Ванникову, чтобы выяснить необычную ситуацию. Тот сидел мрачный, обхватив голову руками. Потом прошептал: «Случилось большое несчастье. Несколько часов назад в своей московской квартире прямо в кабинете расстрелян Лаврентий Павлович!» Оказывается, днём Берии-младшему позвонил его знакомый лётчик и сообщил: за оградой особняка на Малой Никитской стоят военные машины, а по территории ходят автоматчики. Ванников с Серго тут же поехали туда: действительно – двор полон военных. Один из офицеров рассказал, что полчаса назад из дома на носилках вынесли труп, закрытый плащ-палаткой. Пальба была такая, что все стёкла в кабинете Берия были выбиты...»

По словам генерала, в этот день 26 июня 1953 года в Москве стояла тихая солнечная погода. У Спасских ворот, при входе в Кремль, как и в корпусах, где располагались их комнаты и кабинет Берии, стояли те же часовые, которых они хорошо знали. На территории Кремля не было никаких пленумов и заседаний, не было арестов с участием маршала Жукова...

Из книги Петра Бургасова «Я верил...»: «О Берии много написано, сказано, я читал... Да, наверное, было в его, так сказать, анамнезе, что может быть недостойно человека, но я должен сказать, что расстрелять крупного государственного деятеля без суда и следствия можно только от страха перед событиями, которые угрожали многим тогда в правительстве. Я не могу поверить, что у него руки были в крови до такой степени, что требовалось немедленная расправа. Зачем понадобилось Хрущёву

Конференция по генетике, Манила, 1983

врать, обманывать народ и мировую общественность о якобы аресте Лаврентия Павловича, который совершали известные генералы и возглавлявший их Георгий Константинович Жуков, Маршал Советского Союза, признанный военный стратег?

Между прочим, что бы там сегодня ни писали, могу сказать о Берии только самые хорошие слова. С точки зрения порядка мы, наверное, уже никогда не достигнем того, что было при нём. Это был настолько чепетильный и аккуратный человек в решении и исполнении всяких директив, это было что-то невероятное. Это был умнейший и честнейший человек, патриот с большой буквы. Я уж не говорю о том, что именно под его руководством была создана спецгруппа, в итоге создавшая самое мощное бакоружие в мире – невероятное по своей силе.

Кстати, дело Берии самому генералу Бургасову не аукнулось чудом. «В тот же день, 26 июня 1953 года, – вспоминал Пётр Николаевич, – меня вызвал к себе управляющий делами Совета Министров Помазнев. «В каких отношениях вы находились с Берией?» «Как и вы, – отвечаю, – подчинённый». «Ну вот что, товарищ Бургасов, – сказал Помазнев. – Я вас больше не могу держать в Совете Министров». Я до сих пор уверен, что во многом благодаря той отставке и сохранил себе жизнь».

Буквально через пару дней Бургасова назначили начальником первого отдела

Седьмого управления Генштаба. А уже в декабре группа ближайших соратников Берии была расстреляна.

Секретная прививка всего населения СССР

В Седьмом управлении Генштаба, которое занималось защитой от оружия массового поражения, Бургасов возглавил отдел бактериологии. Именно в то время нашими учёными была изобретена вакцина против оспы, которая ликвидировала эту болезнь во всём мире. Как вспоминал Пётр Николаевич, задачу создания самого мощного бактериологического оружия перед учёными никто не ставил. Но!

«Мы занимались разработкой сверхзащиты от бакоружия. А как заниматься защитой, если не знаешь, против чего?! Как сделать танковую броню неуязвимой для снарядов, если ты не знаешь возможности этого снаряда?! Допустим, прививка от оспы защищает человека в естественных условиях, когда больной чихнул, кашлянул... А если распылить этот вирус оспы – начнётся эпидемия? Нам было ясно, что без получения этого оружия, совершенного оружия именно массового поражения, мы не найдём противоядия, а значит, подвергаемся огромному риску»

Это один аспект, а второй... После того как в 1946 году Черчилль в своём докладе в Фултоне заявил, что теперь единственным врагом остаётся Советский Союз, а начальник разведуправления американец Аллен Даллес добавил к этому: «Мы бросим все

Пётр Бургасов, 1985

ко спаивали его, но самое главное, они его уничтожали через простыни и подушки, заражённые вирусом оспы. Именно оспа косила племена под корень... Словом, как себя поведут американцы и их союзники, не мог знать никто. Но мы обязаны были быть готовы ко всему!».

Боевую рецептуру испытывали на себе

Сегодня это не секрет: все испытания нашего бактериологического «ответа Западу» проходили на острове Возрождения в Казахстане – небольшом участке суши посреди Аральского моря. Именно там располагался главный советский секретный полигон. В отличие от японцев, ставших эксперименты на людях, в СССР подобное было исключено: вопреки слухам и мифам, ни на добровольцах, ни на приговорённых к «вышке» бакоружие не испытывалось. В качестве подопытных были обезьяны, лошади, морские свинки.

Пётр Николаевич рассказывал: «Один единственный раз мы испытывали действие ботулических токсинов на человеке, да и то на... себе. Нужно было создавать защиту, а как, если на человека и на животных они влияют по-разному. Я и мои сотрудники рассчитали минимальные несмертельные дозы и вводили ботулинический токсин себе в мышцу ладони. Учитывая массу мышцы ладони и сердца, мы подсчитывали, какая доза потребует, чтобы парализовать сердце и вызвать смерть... На восемь дней токсин парализовал мышцу, а потом она сама восстанавливалась. Таким образом мы установили, что ботулические токсины А и Б в тысячи раз сильнее других ядов. Поэтому не успокоились, пока не нашли противоядия от них».

Опасны ли были эти исследования для населения страны? Могли ли сами учёные случайно спровоцировать «утечку» смертоносных ядов, а следовательно – эпидемию? Академик Бургасов был уверен, что нет, всё было под контролем. Правда, признавался Пётр Николаевич, одна случайная «утечка» всё-таки была. В ходе испытаний на острове Возрождения была использована сильнейшая боевая рецептура оспы. Что значит «боевая»? Рецептура была настолько сильна, что «пробивала» даже привитых животных. Её микрочастицы могли разноситься ветром на многие километры...

«Вдруг мне докладывают, – описывал этот случай Бургасов, – что в Аральске есть непонятные случаи смертности. Говорю своему помощнику: немедленно поезжай в Аральск, выясни всё и доложи мне. Выяснилось вот что: исследовательский корабль Аральского мореходства подошёл к острову на расстояние 15 километров (а согласно инструкции, во время испытаний ближе, чем на 40 километров к этому острову ни одно судно не должно было подходить). Лаборантка дважды в день выходила на палубу и брала пробы воды. Возбудитель оспы – а на острове тогда было подорвано всего 20 граммов рецептуры – «достал» её, она заразилась, а, вернувшись домой в

силы на то, чтобы одурачить и покорить самый непокорный народ в мире – русский народ», началась холодная война. Мы знали, что после войны всех японских специалистов, имущество лабораторий и всю документацию их секретного спецотряда №731, который во время Второй мировой занимался созданием бакоружия, тайно вывезли в США американцы. И этих японцев не судили, не казнили, а создали идеальные условия для продолжения исследований. (См. «Фабрика смерти отряда №731», январь 2016 г. – Ред.)

Когда у нас об этом узнали по каналам резидентуры, сразу поняли: раз вчерашние союзники пошли на это, не сообщив нам, значит, они всерьёз занимаются бактериологическими разработками. А против кого они собираются его использовать? Против СССР! Поэтому нам ничего не оставалось, как тоже самим создавать бактериологическое оружие: рецептура сибирского язва, лёгочной чумы, оспы, ботулинического токсина. Но только для того, чтобы разработать вакцину против них».

Мало кто знает, что в 1975–1976 годах в обстановке высочайшей секретности было привито все население страны (!) против двух самых сильнейших ядов – ботулизма А и Б, да так, что ни в СССР, ни за границей никто ничего не узнал. В обычную поливакцину включили два компонента, защищающих человека от ботулизма. Зачем? По словам академика Бургасова, в СССР всерьёз опасались, что американцы используют против нас бакоружие. «Почему нет? Знаете, как так называемые американские переселенцы истребляли коренное население Америки – индейские племена? Они не толь-

Аральск, заразила ещё несколько человек, в том числе детей. Шесть или семь человек умерли. Догадавшись о причинах, я позвонил начальнику Генштаба СССР и попросил запретить остановку поездов Алма-Ата – Москва в Аральске. Приняли и другие меры. Так была предотвращена эпидемия по всей стране... Потом я позвонил Андропову, тогда главе КГБ, и доложил о том, что на «Возрождении» получена исключительная рецептура оспы. Он приказал больше об этом не говорить ни слова. Вот что такое настоящее бакоружие! Минимальный радиус действия – 15 километров. Страшно представить последствия, если бы на месте одной лаборантки оказалось 100–200 человек».

Диверсия рядом с Свердловском-19

Более двадцати лет – с 1965 по 1986 год – Пётр Николаевич проработал Главным санитарным врачом СССР. Именно в этот период периодически западная пресса трубила о десятках тысяч погибших от эпидемий, о том, что в Советском Союзе все эти факты всячески скрываются от собственного народа.

«Ответственно заявляю, – говорил академик Бургасов, – карантин холерные, вспышки чумы в СССР бывали часто, но до массовых эпидемий никогда не доходило. Мы не допускали! Да, случались события, о которых никто до сих пор не знает, – они были строжайше засекречены. Например, в 1970 году полгода была вспышка холеры Эль-Тор в Батуми, Астрахани, Одессе, Ростове. Но из 800 заболевших умер один – ребёнок, которого не успели переправить через Волгу. Всех остальных мы сумели спасти. Когда погибли три-четыре человека, мы сразу объявляли карантин на целую область, принимали экстренные меры. А такого, чтобы косило людей сотнями, даже десятками – не было никогда».

По его словам, самая страшная и резонансная эпидемия – вспышка сибирской язвы – началась в апреле 1979 года в Свердловске и об этой трагедии самые невероятные слухи ходят до сих пор. Одни говорили о случайном «выбросе вируса» на территории секретного института в городке Свердловске-19, другие утверждали, что это были испытания биооружия.

Пётр Николаевич вспоминал: «Но эти слухи – ещё «цветочки»! Некто Лев Фёдоров, который считался руководителем по химической безопасности страны, написал, что в Свердловске была применена... «секс-бомба». Якобы учёные этого «ящика» – городка N19 – приготовили возбудитель сибирской язвы, в который включили «секс-вирус», поражающий мужчин старше 20 лет, то есть всех, способных служить в армии, и испытали его на свердловчанах. А аргументировал он это тем, что болели и умирали только мужчины от 20 лет и старше. Но это же неправда! Как тогда объяснить, что 33 женщины заболели? Американцы вообще растиражировали весть, что в секретном городке произошёл подземный взрыв и аэрозоль от него «висел» в воздухе. Но как

Историческая встреча: главный санитарный врач СССР и вождь кубинской революции

аэрозоль мог «висеть» в воздухе полтора месяца – с 4 апреля по 17 мая? Авторитетно заявляю: это все чушь!

Я ведь тогда приехал в Свердловск первым и пригласил с собой лишь главного инфекциониста СССР профессора Никифорова и своего сына Сергея. Больше из Москвы никого не было, поэтому знать реальную ситуацию лучше нас никто не мог. Что там произошло на самом деле? Всего в регионе заболели сибирской язвой 93 человека, умерли 65. Но при этом в Свердловске-19 ни одного смертельного случая не было

Стало ясно, что причина не в мясе

А теперь, если хотите, моя (и не только моя!) версия – что же произошло в Свердловске в апреле 1979 года. Но для начала два факта, которые подтолкнули к этой версии. Два медика из Свердловска – патологоанатом и его лаборантка – взяли

Встреча с руководителем Центра по инфекционным заболеваниям Д. Спенсером. США, Атланта

зафиксировано. Если бы утечка произошла при разработках, то, наверное, основная трагедия произошла бы там, а не в райцентре. Чем объяснить, что секретный объект «уцелел»? Мне как эпидемиологу стало ясно, что сибирская язва иного происхождения, она явно завезена.

Но надо было решить главный вопрос: откуда она взялась? Была огромная вероятность, что язва находится в больных животных. Почему я так подумал? Свердловск-19 снабжался продуктами, в том числе мясом, Военторгом, а не с рынка, значит, зараза могла прийти с рынков. Что я сделал? Поставил кордоны на Челябинском тракте, на продуктовых рынках, и все мясо, которое привозилось, изымалось и сжигалось на месте. В итоге мясо уничтожили, а люди ещё какое-то время продолжали умирать...

Остров Ольхон. Отстрел лебедя для проведения вскрытия аспирантом П. Бургасовым, 1938

на Урале, штаммы сибирской язвы из ЮАР и Северной Америки убили весной 1979 года почти полсотни советских граждан» (ЦН Наука, №5, 23 мая 2001 г.), в которой доказывалось, что произошедшее в Свердловске – диверсия западных спецслужб. Авторы статьи объяснили, что множество возникших очагов и продолжительность этой вспышки (более полутора месяцев) при инкубационном периоде заболевания, равном 2-3 дням, определились только многократным распылом спор сибирской язвы в различных местах района. То есть диверсанты не единой, а много раз распыляли на автобусных остановках по 5-6 граммов рецептуры. Делали это утром, когда взрослое население шло на работу. Именно этим объяснялось, что не пострадали дети.

Так вот: я полностью согласен с выводами Супотницкого и Петрова. Иначе как объяснить такой факт: «Голос Америки» сообщил о массовой гибели людей «в результате выброса спор сибирской язвы военным городком Свердловск-19 уже 4 апреля, а окончательный диагноз был поставлен нами только 15-го, когда первый больной скончался?! Диверсия была самая настоящая! И всё было продумано тщательным образом. Идёт холодная война. Начинается вспышка. Рядом военный городок, который занимался исследованиями сибирской язвы. Так что место было выбрано неслучайно – таких совпадений не бывает!»

Мы владели самым страшным бакоружием в мире

Подводя итог своей научной деятельности, Пётр Николаевич говорил: «Бактериологическое оружие, которое мы в итоге тогда создали, было невероятное по своей силе. Более того, Советский Союз был абсолютно готов к отражению бактериологической атаки, применения оружия массового поражения. У нас были в необходимом количестве вакцины от всех самых страшных болезней: чумы, холеры, оспы, ботулических токсинов... Поэтому главное моё беспокойство связано вот с чем. Сегодня известно, что самое страшное бакоружие на планете – оспа. Сибирская язва – оружие очень сильное, но оно не распространяется от больного человека к здоровому. А вот оспа... Простой пример. Если в московском метро распылить грамм 5 этой рецептуры, последствия будут ужасные и не только в Москве. Ведь с 1979 года у нас в стране никто против оспы не прививается, а те, кто был привит, давно утратили свой иммунитет по возрасту».

И второе. Недавно я узнал, что некоторые наши институты, которые занимаются производством вакцин, сывороток, переходят в коммерческие структуры. Вы представляете, что может произойти завтра, если какой-нибудь олигарх сядет на их производство? Если – не дай Бог – возникнет чума, нужны будут противочумные вакцины, а людям скажут: «Хочешь жить, плати деньги!» Я написал несколько писем лично президенту Путину: «Прошу вас запретить передачу производства вакцин и сывороток (особенно противочумных и противооспешных) коммерческим структурам!» Мне ответил консультант одного из управлений при президенте: «Ваше письмо передано в такой-то департамент для рассмотрения...» Толком так и не ответили.

Поэтому, когда меня в очередной раз спрашивают, сохраняется ли вероятность бактериологической или химической войны сегодня, я отвечаю одно: если к современным террористам попадут рецептуры, именно рецептуры, это будет нечто ужасное».

...Незадолго до смерти академик Бургасов сказал: «Я очень доволен тем, как я прожил жизнь. Лучшие годы – когда я работал главным санитарным врачом СССР. Эти годы были очень тяжёлые, но большого удовлетворения от работы я никогда не испытывал. Тогда решения главного санврача были законом, организации выполняли их беспрекословно на территории всей страны, и никто не вправе их был отменить. Иногда приходилось принимать решения, от которых зависела жизнь очень многих людей. Но ни разу ни за одно из них мне не только отвечать, но и краснеть не пришлось. И я этим горжусь!»

Фото из семейного архива Бургасовых

ТАИНСТВЕННАЯ СМЕРТЬ АКАДЕМИКА

Владимир ВОРОНОВ

Специально для «Совершенно секретно»

Кончину академика, заслуженно почитавшегося мировой величиной № 1 в сфере психиатрии, не сочли бы подозрительной, не сопутствуя ей целый ряд обстоятельств, нелепых с медицинской точки зрения.

Бехтерев, приехавший из Ленинграда на I Всесоюзный съезд невропатологов и психиатров, вечером 23 декабря с женой отправился в Большой театр на «Лебединое озеро». В антракте зашел в буфет, скушал две порции мороженого, со второго действия вернулся в квартиру профессора Сергея Благоволина, у которого остановился. И внезапно заболел: у него начался профузный понос. После кратковременного приступа острого желудочно-кишечного заболевания (так и оставшегося неизвестным!), несмотря на уколы, сделанные неким спешно приглашенным домашним врачом, академик стал терять сознание, его дыхание стало прерывистым, частота пульса резко упала и после короткой агонии он скончался.

Первые сомнения в «естественности» смерти были высказаны именно в кругу коллег Владимира Михайловича – высокопрофессиональных медиков дореволюционной школы, имевших за своими плечами огромный опыт и практику. Сначала их насторожила столь быстрая и странная кончина ученого, обладавшего, как утверждали близко знавшие его, отменным здоровьем. Да и последние месяцы и дни жизни не показали каких-либо симптомов-предвестников, ухудшающих состояние здоровья Бехтерева. Но затем последовали совсем уж вопиющие странности, подробно описанные в исследовании историка медицины профессора Августа Шерешевского. По приказу наркома здравоохранения Николая Семашко для вскрытия тела были срочно вызваны не специалисты в области патологической анатомии или судебной медицины, а... психиатры! Впрочем, один известный патологоанатом при вскрытии все же присутствовал – будущий академик Алексей Абрикосов. Вскрытие произвели в условиях, мягко скажем, далёких от профессиональных – в той же квартире, где и скончался ученый. Впрочем, настоящим вскрытием это трудно назвать: психиатр Аристарх Ильин вскрыл только череп покойного. Беглый осмотр мозга не обнаружил никаких болезненных явлений в веществе мозга, оболочках и сосудах, сосуды мозга «не склерозированы, и развитие их на основании мозга... идеально правильное».

Но вскрытие уже собственно мозга – горизонтальными разрезами – Абрикосов не допустил, забрал его, залил формалином и на своей машине увез к себе в лабораторию. Никаких дальнейших исследований мозга Бехтерева реально так никогда и не произвели. Не было произведено и вскрытия собственно тела академика! Более того, в тот же день его спешно кремировали, хотя родственники Бехтерева были категорически против этого.

Стоит ли удивляться, что по «Москве медицинской» тут же поползли слухи о, предположительно, насильственной смерти академика? Слухам способствовали не только странные обстоятельства смерти, но и того, что ей предшествовало. Как оказалось, в те декабрьские дни 1927 года академик Бехтерев – крупнейший в мире врач-невропатолог и

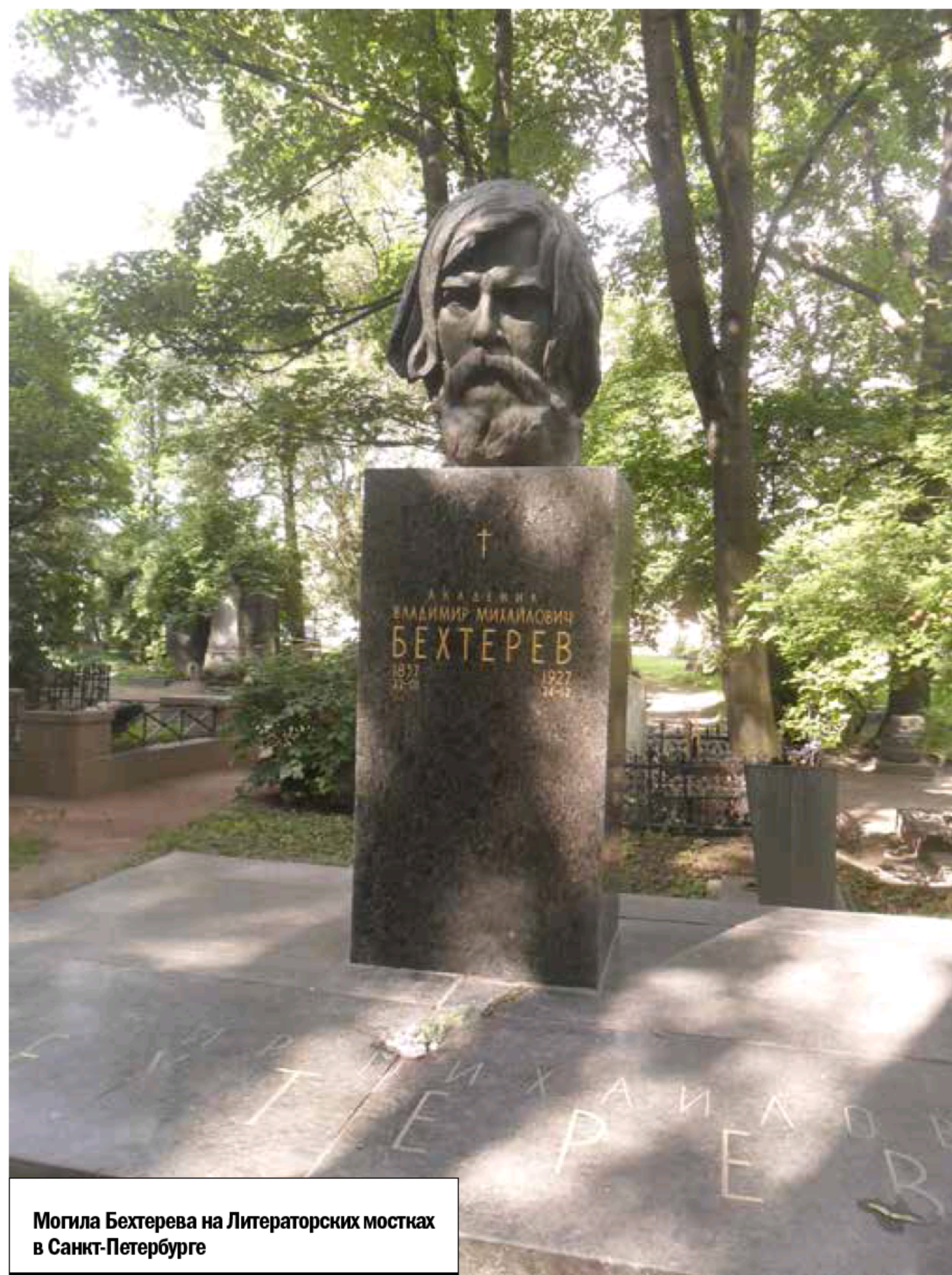
одновременно виднейший же психиатр своего времени – по просьбе Лечебно-санитарного управления Кремля консультировал генерального секретаря ЦК ВКП(б) И.В. Сталина. Формально осмотр производился в связи с сухорукостью вождя партии.

Профессор Шерешевский, обобщивший весьма значительный ряд независимых свидетельств из разных источников, пришел к обоснованному выводу: факт осмотра Сталина 22 или 23 декабря 1927 года академиком Бехтеревым можно полагать в достаточной степени достоверным. Более того, подобный врачебный осмотр Сталина осуществлялся впервые. Это факты неоспоримые, а вот происходившее вокруг этого пока относится к области догадок и предположений. По одной из версий, тоже достаточно веской, такой специалист, как Бехтерев, не мог не обратить внимание на, скажем так, некоторые «аномальные личностные особенности своего пациента». Но вот с кем он успел поделиться своими наблюдениями (и успел ли!) – загадка. Равно как неизвестно, присутствовал ли при том осмотре еще кто-либо из врачей. Надо полагать, кто-то из личных медиков вождя непременно должен был там быть, да и сами наблюдения в той или иной форме тоже зафиксированы. Но как-то не верится в версию, что ученый, выйдя из сталинского кабинета в приемную, якобы бросил не совсем уж и медицинскую (с точки зрения диагностики) фразу: «обыкновенный параноик». И это, мол, тут же было доложено вождю, а тем же вечером произошло то, что произошло. По иной версии, Бехтерев произнес лишнее уже в президиуме съезда, вернувшись с осмотра: «Смотрел одного сухорукого параноика». Сомнительно, что Бехтерев, связанный врачебной этикой, вообще стал бы распространяться о своем пациенте. Впрочем, по ряду свидетельств, Бехтерев временами высказывался чрезмерно уж прямолинейно, даже резко и грубо, не всегда взвешивая последствия своих слов. Не исключено, что какую-то неосторожную фразу он мог и бросить после осмотра, а уж это могли так преподнести высшей инстанции, что...

Несомненно, Бехтерев – первый психиатр, проводивший осмотр Сталина, потому лишь по одному этому факту уже становился носителем самой опасной информации – о состоянии здоровья вождя. Да еще и в очень сложный для Сталина период. Буквально только что завершился XV съезд

пока не единоличный вождь, а один из... – уже первый, но – среди равных. То, что схватка в верхах за власть не закончена, подтвердил ее очередной виток, вспыхнувший в следующем году. На пути к власти уже единоличной Сталину, как и прежде, требовалось тщательно выверять каждый шаг и, по словам историка Олега Хлевнюка, «осторожничать, бить наверняка, скрывать свои намерения и маскировать действия». И уж, тем паче, нельзя было допустить утечки и тени информации о состоянии здоровья вождя! К тому же, практика решения такого рода дел уже была отработана. Так это или нет, доподлинно неведомо, но ведь опасный носитель информации, сделав свое дело, тотчас и ушел в небытие. Единственным же следом профессионально проведенной операции по устранению невольного секретносителя, как это ни парадоксально, осталось, возможно, именно отсутствие формальных следов этой спецоперации. Что подмечено еще древними следователями, сформулировавшими принцип «ищи того, кому выгодно». А еще – очень показательное наличие – уже тогда! – такой общественной атмосферы, в какой сей слух (опасный для любого распространителя!) распространился широко, обретая устойчивость и дожив до наших дней. Значит, пользовалась та версия доверием и сама атмосфера предполагала возможность такого, тем паче кое у кого уже имелась в наличии и соответствующая репутация...

ВКП(б), формально зафиксировавший разгром объединенной оппозиции Троцкого-Каменева-Зиновьева. Но это была лишь временная пауза: ситуация в Политбюро нестабильна, диктатуры одного лишь Сталина пока еще нет, он – уже Сталин, но

Могила Бехтерева на Литераторских мостках в Санкт-Петербурге

«ПРОШУ ПРЕКРАТИТЬ ПРОИЗВОЛ И БЕЗЗАКОНИЯ»

Дмитрий КОСЫРЕВ

Специально для «Совершенно секретно»

Как сложилась судьба «примкнувшего» к заговору секретаря ЦК КПСС Дмитрия Шепилова после разоблачения антипартийной группы Молотова, Маленкова, Кагановича.

СТАРШИЙ АРХЕОГРАФ ШЕПИЛОВ

Ничто не предвещало в судьбе Дмитрия Шепилова (1905–1995) тех бурных перемен, которые в итоге сделали его имя нарицательным. Впрочем, что именно оно нарицает, не очень понятно и до сих пор.

Учёный-экономист, он рано начал двигаться по партийной линии, но на войну ушёл ополченцем. В итоге стал генерал-майором, затем попал в аппарат ЦК, был заместителем Суслова и посмел на одном совещании не просто возразить Сталину, но и настаивать на своей точке зрения. За это его сняли с должности заведомо пропаганды и агитации и на семь месяцев оставили без работы – верный признак хорошего отношения вождя. Шепилов писал биографии Сталина, выпустил брошюры о десятом томе его собрания сочинений (был и такой жанр), а также тексты о советском патриотизме, величии советского народа и о том, что «сталинский устав сельскохозяйственной артели – основной закон колхозного строя». В итоге его взял к себе помощником Маленков, после чего началась стремительная карьера – в 1952–1956 годах Дмитрий Шепилов успел поработать главным редактором «Правды», министром иностранных дел СССР, в качестве секретаря ЦК помогал Хрущёву готовить доклад для XX съезда партии. Быстрый карьерный рост породил и быструю эволюцию взглядов. В итоге Шепилов позволил себе критические высказывания в адрес генсека на знаменитом заседании Президиума ЦК в июне 1957-го, после чего превратился в «и примкнувшего к ним». Его сняли со всех московских постов, отправив директором Института экономики АН Киргизии.

После опалы в очередной раз отвратительно повела себя Академия наук СССР, членом-корреспондентом которой Шепилова избрали ещё в 1953-м: его лишили звания 26 марта 1959 года, а вернули его 32 года спустя. Странным выглядит и исключение из партии, оно последовало лишь 21 февраля 1962 года, зато восстановили через 14 лет, ещё при Брежневе. Долгое время Шепилов считался его главным конкурентом за главный партийный пост, но после опалы шансов не было никаких. С 1960 года вернувшийся в Москву экономист и дипломат работал археографом, затем старшим археографом в Главном архивном управлении при Совмине СССР – странная, надо сказать, должность для человека в расцвете сил, возглавлявшего за три года до этого МИД могущественной империи.

Газета «Совершенно секретно» публикует фрагмент биографии Дмитрия Шепилова, написанной его внуком Дмитрием Косыревым и вышедшей под названием «Советский Кеннеди. Загадка по имени Дмитрий Шепилов» в издательстве «Бослен».

Если одним словом описать то, что произошло с Шепиловым сразу после пленума, где он довольно неплохо держался, то это слово – свалился. Причём в двух смыслах. Во-первых, в моральном. Дело не в том, что он не сразу понял, что с ним произошло (замедленная реакция в таких случаях неизбежна). А в том, что в какой-то момент после пленума он поверил. Поверил в то, что совершил преступление. Здесь мы не в первый и не в последний раз вторгаемся в образ мысли людей эпохи, до которой вроде бы и

Шепилов позволял себе критиковать даже генсека

рукой подать, но на самом деле для нас, сегодняшних, это такой привет с Марса. Да-да, я опять про ту самую жуткую штуку – фракционность. На пленуме-то Шепилов искренне недоумевал – какая к чёрту фракционность, когда фактически всё высшее руководство в открытую говорило о том, что Хрущёв не годится для высших постов в государстве, потому что несёт дичь (в словах и делах)? Но после пленума, когда за

скорой помощью в больницу и не мог, как подбавляет коммунисту, выступить на этом собрании, а также что в силу очередного и тяжёлого обострения... я был лишён возможности сразу приступить к работе. Что

Дмитрий Шепилов – во втором ряду, второй слева

человеком закрываются одна за другой двери... Он поверил!

Вот покаянное письмо, точнее, черновик такового, помеченный 27 августа 1957 года и ещё словами – «Боткинская больница: «Никита Сергеевич!..»

Разве так обращается рядовой гражданин и член партии к лидеру страны и той же партии? Что это за «Никита Сергеевич» такой, где здесь «уважаемый» и всё прочее? Но это, повторим в очередной раз, Шепилов ещё не успел понять, что произошло. Он всё ещё разговаривает с равным себе.

С товарищем по партии и руководству. И пишет ему: «Уже 58 дней как я прикован к палате Боткинской больницы. Я очень сожалею, что в день собрания в коллективе ЦК об итогах июньского Пленума я был увезён

пережил и переживаю я за эти часы, дни и недели – можно понять без слов. Не приведи бог кому-либо испытать такое!»

К какой работе он должен приступить? Какое собрание коммунистов? О работе мы ещё скажем. Насчёт собрания же – это были такие люди, члены КПСС. Им полагалось в подобных ситуациях прийти на собрание своей парторганизации и покаяться. Не мог член КПСС, после того как съезд или там пленум принимает какое-то решение, с ним не соглашаться и не «разделять». Тогда следовало сначала положить на стол партбилет. А это хуже, чем умереть (умереть, по крайней мере, можно было коммунистом). Член КПСС обязан признавать на этом и каждом последующем собрании, что был осуждён правильно. Вот мы и

читаем в письме Хрущёву:

«Несмотря на всю тяжесть понесённого наказания, я глубоко осознал и безоговорочно принимаю и существующие, и организационные меры, принятые Пленумом. И нет в моей душе на этот счёт обид, так как только партия, наша великая ленинская партия, может воплощать высшую мудрость и высшую справедливость...»

Здесь – и далее – у нас будет часто возникать вопрос об искренности. Может, Шепилов боится, что с ним что-то сделают, и поэтому... Но чего же ему бояться – решения пленума уже приняты, дальше его направят на какую-то работу, и там он загладит вину. Уже всё с ним сделали, хуже не будет. Ну, это он в тот момент так думал – что впереди только тяжёлый искупающий труд и больше никаких неприятностей. Но не будем забегать вперёд. Мы – о том, что он мог бы и не писать, но писал, потому что искренне в тот момент так думал: «Перебирая весь свой жизненный путь, я не могу не высказать следующего: ...я не должен был быть в какой бы то ни было мере причастным к любой фракционности. Я не продумал и не оценил всех возможных последствий и всей опасности групповщины и логики фракционной борьбы. В этом моя тяжёлая ошибка и в этом моя вина. У меня, как и у всякого большевика, есть единственный путь жизни – вместе с партией, в её рядах, пусть на рядовой работе, но только вместе с партией... И никакого другого пути нет и быть не может. Я сделаю всё, что должен сделать (и главное – доказать это трудом своим) коммунист, готовый честно и безоговорочно выполнять решения

Пленума, решения XX съезда партии. Д. Шепилов».

Далее же следует какой-то попросту кафкианский изгиб стилистики, который свидетельствует, в каком состоянии Шепилов в тот момент находился:

«Р.С. Я созвонился с Вашим Секретариатом об отсылке письма 24.8. Но очередной приступ болезни снова приковал меня к койке. Конечно, меня не может не тяготить мысль, что в такое нужное для работы время у меня с особой остротой проявились мои трудные

Дмитрий Шепилов с маршалом Георгием Жуковым

менной болезни. По заключению профессоров-специалистов (следует длинный список таковых), «б-ной» в настоящее время нуждается в продолжении лечения в санаторных условиях в Железноводске, после чего может быть решён вопрос об оперативном вмешательстве по поводу желчнокаменной болезни.

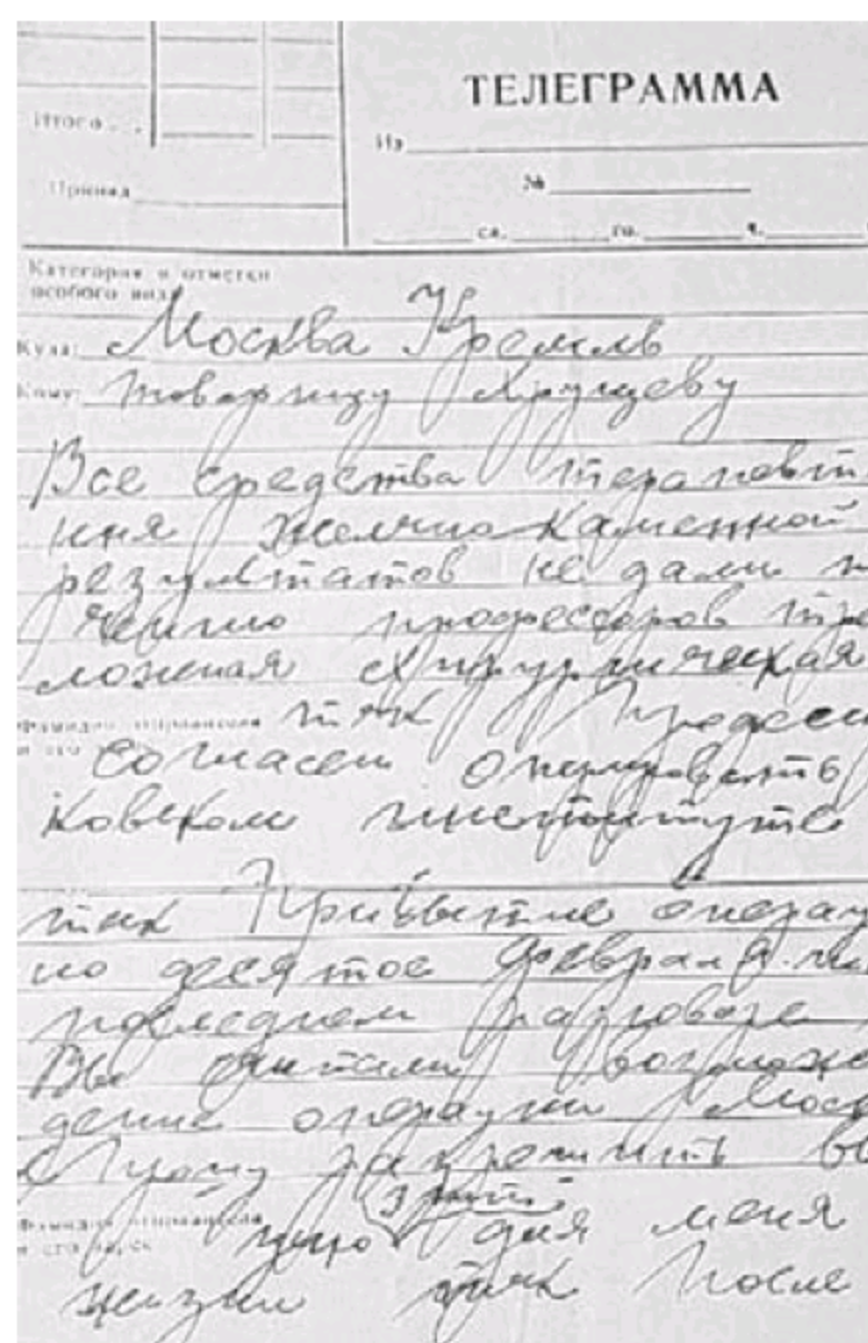
После двух месяцев лечения Эмма с трудом отправила его в подмосковный санаторий, язва там всё-таки зарубцевалась. А назначение, пока он болен, состоялось. В Киргизию, Фрунзе (ныне Бишкек).

ССЫЛКА В КИРГИЗИЮ

Формально в ссылку Шепилова, как члена-корреспондента Академии наук, эта самая академия и отправила, согласно документу № 552427 от 2 ноября: «в распоряжение Президиума АН Киргизской ССР для использования на работе в качестве директора Института экономики». Подпись: вице-президент АН академик К.В. Островитянов (кстати, соавтор Шепилова по учебнику политической экономии, за который мой дед собственнно и был избран членкором).

В Киргизии язва открылась заново и никаким образом не закрывалась. Что Шепилов делал и что смог сделать в Киргизии? Прежде всего, создать себе массу новых неприятностей. В том числе потому, что слишком старался в очередной раз быть образцом во всём, работать не жалея сил. Начнём вот с чего: этот самый Институт экономики он, по сути, создал. Потому что до того он существовал только на бумаге.

Как положено в бюрократической системе, Шепилов отчитывался. Вот один из таких отчётов за 1958 год (в качестве членкора академии он шлёт его в бюро отделения экономических, философских и правовых наук АН СССР). Получается такая картина: для начала «отредактированы и сданы в печать 6 работ института». За год. Работы – это книги. Тут добавим информацию из другого документа – письма в ЦК КПСС, – что за все прежние времена своего полусуществования институт сдал 2 брошюры. Далее: принимал участие в 4 районных эко-

Телеграмма Дмитрия Шепилова в Кремль

рационального использования трудовых ресурсов» Киргизии. Сделал 63 статистические таблицы, после чего к концу года можно было приступить к составлению баланса трудовых ресурсов Киргизии.

И ещё одно – насчёт стиля шепиловского руководства. Думаете, институт – это когда люди сидят за столом и шуршат бумагами? А вот нет, и директор должен быть первым во всём подавать пример, вот какой: «Чтобы заниматься экономической наукой конкретно, я ознакомился с работой многих десятков шахт, рудников, заводов, фабрик, совхозов, колхозов г. Фрунзе, Ошской, Джалал-Абадской, Иссык-Кульской, Фрунзенской областей». Это – за год.

Однако с 26 августа 1958 года Шепилова понизили до замдиректора. И он продолжал делать всё то же самое, просто за меньшую

плату. В чём он провинился? Версии есть разные. Одна из них – Екатерина Фурцева.

Дело в том, что Шепилов в 1958 году, может, и был в ссылке, но обязанности директора института в Киргизии предполагали поездки в Москву на сессию отделения экономики, философии и права Академии наук. Он и ездил, и попутно бывал у московских врачей – в июне и, как видим, в декабре. Но бывал он не только там. Известен случай, когда Шепилов в том году оказался в первом ряду в Большом театре. А рядом с ним – Екатерина Фурцева, в тот момент уже больше не секретарь Московского комитета партии (Хрущёв не забыл никого из тех, кто пытался его сместить, пусть они в какой-то момент и «примкнули» к хрущёвскому лаге-

рю) и ещё не министр культуры, а просто (пока ещё) кандидат в члены президиума.

Крик «Это провокация!», изданный Фурцевой в бурные июньские дни 1957 года, в этот раз – в зале Большого театра, – может, и не прозвучал. Однако рассказывают, что она потребовала у помощников узнать, кто дал ей билет «рядом с Шепиловым» и как это получилось. Получилось-то просто – был спектакль Арама Хачатуряна («Спартак»), и он, узнав, что Шепилов в Москве, разыскал его и послал ему билет. Знать, что администратор Большого на соседнее кресло выдаст билет Фурцевой, Хачатурян не мог, и отчитываться по этому поводу ни перед кем не собирался. И, конечно, Фурцева не была бы Фурцевой, если бы не доложила не иначе как лично Хрущёву со всей возможной поспешностью: была провокация. Она не виновата. Что делает Шепилов в Москве, тем более в первом ряду Большого театра?

Нет, я требую, чтобы мне ответили: что он тут делает? А он, как членкор академии, должен посещать там собрания... Ах, он академик?

«Общее собрание Академии наук Союза ССР, постановление 26 марта 1959 г.

Выписка: 4. О В.М. Молотове и Д.Т. Шепилов.

Лишить Шепилова Дмитрия Трофимовича звания члена-корреспондента АН СССР как участника раскольнической политической группы, выступавшей против интересов народа, не оправдавшего высокого доверия, связанного с обязанностями члена-корреспондента Академии наук СССР».

Если у кого-то есть какие-то сомнения: никакой собственной инициативы академии тут не было. А был звонок из Кремля: у вас сегодня общее собрание академии? Исключите Шепилова (и Молотова) из её состава. Об этом Шепилову потом рассказывали неоднократно руководители АН СССР, включая её президента. (Кстати, в 1991 году, за четыре года до своей кончины, Дмитрий Трофимович был восстановлен в звании членкора Академии наук. – Ред.).

К этому моменту Шепилов был в очередной раз на больничной койке. В январе 1959 года появился приказ об изъятии из библиотек страны всех научных работ Шепилова, написанных им за 32 года.

1 февраля 1959 года он получил на руки очередное киргизское заключение: сначала в неврологический стационар (иначе язва не поддаётся), потом в хирургию. И это подкреплено заключениями целого сонма московских специалистов, академиков и профессоров. То есть смысл всё тот же: оперировать не будем. Кто угодно, только не мы. Пусть лечит язву и нервы.

Итак, в порядке лечения нервов – член-корреспондент АН СССР, получивший это звание не в силу партийной должности, а за первый в советской истории учебник политической экономии, без которого тогда немыслимо было обучение тысяч студентов, больше не в академии.

«Лишён авторства на 3-е издание учебника политической экономии, в котором мною написано 12 глав и вместе с академиком Островитяновым проведено редактирование всей книги». Это из записок Шепилова, который вёл подсчёт репрессий, что на него обрушивались одна за другой уже после 1957 года. Иногда их у него получалось 17, иногда 24.

Но подождите, лишён авторства – это как? А очень просто: как раз в то время учебник в 3-м издании вышел, студенты по нему продолжали учиться, имена соавторов на обложке и не только на ней остались: Островитянов и все прочие. Кроме Шепилова. Да-да, написанное Шепиловым сохранялось, только фамилии не было. Но снять фамилию, оставив текст (а как насчёт выплаты авторских, интересно)? Это сильно.

Но подождите, лишён авторства – это как? А очень просто: как раз в то время учебник в 3-м издании вышел, студенты по нему продолжали учиться, имена соавторов на обложке и не только на ней остались: Островитянов и все прочие. Кроме Шепилова. Да-да, написанное Шепиловым сохранялось, только фамилии не было. Но снять фамилию, оставив текст (а как насчёт выплаты авторских, интересно)? Это сильно.

Но подождите, лишён авторства – это как? А очень просто: как раз в то время учебник в 3-м издании вышел, студенты по нему продолжали учиться, имена соавторов на обложке и не только на ней остались: Островитянов и все прочие. Кроме Шепилова. Да-да, написанное Шепиловым сохранялось, только фамилии не было. Но снять фамилию, оставив текст (а как насчёт выплаты авторских, интересно)? Это сильно.

Георгий Маленков, Никита Хрущёв и Дмитрий Шепилов на даче.

ноических конференциях, выступал там, готовил доклады. Участвовал во 2-й Среднеазиатской конференции энергетиков и экономистов в Ташкенте, собраниях Академии наук СССР. Работал с 4 аспирантами в Киргизии. (Тут надо снова пояснить – это только он сам с ними работал, а институт всего набрал 20 аспирантов, впервые в своей истории.)

Ещё участвовал в заседаниях Госплана республики по рассмотрению перспективного плана на 7 лет. Далее, с начала 1958 года сам Шепилов приступил к разработке собственной монографии – «Общая теория социалистического расширенного воспроизводства». Кроме того, по плану работ института он взял на себя тему «Вопросы

зарплату. В чём он провинился? Версии есть разные. Одна из них – Екатерина Фурцева.

Дело в том, что Шепилов в 1958 году, может, и был в ссылке, но обязанности директора института в Киргизии предполагали поездки в Москву на сессию отделения экономики, философии и права Академии наук. Он и ездил, и попутно бывал у московских врачей – в июне и, как видим, в декабре. Но бывал он не только там. Известен случай, когда Шепилов в том году оказался в первом ряду в Большом театре. А рядом с ним – Екатерина Фурцева, в тот момент уже больше не секретарь Московского комитета партии (Хрущёв не забыл никого из тех, кто пытался его сместить, пусть они в какой-то момент и «примкнули» к хрущёвскому лаге-

Смоленске. Но – это тогда было то ли нормой, то ли модой – отмахивался от болезней. И в целом, с учётом того, что всю войну провёл на фронте (в том числе в качестве рядового ополченца), перед нами человек редкой силы и живучести.

Но любые силы когда-то кончаются. Вот справка из Клинической больницы им. С.П. Боткина насчёт того, что с 4 июля до 9 ноября 1957 года он находился там по поводу язвенной болезни 12-перстной кишки, перидуаденита, сопутствующего гастрита и – как уже сказано – желчнока-

Никита Хрущёв и Дмитрий Шепилов

был там 3 месяца». Диагноз – тяжёлое истощение нервной системы. Вишневский перенёс операцию на сентябрь – октябрь, и то после санаторного лечения.

После Соловьёвки было вот что:

«Справка, выдаётся на руки инвалиду: РСФСР, Министерство социального обеспечения.

Москва, Ленинск. врачебно-трудовая экспертная комиссия

ВТЭК № 1, 17 июня 1959 года»...

В общем, освидетельствован 17 июня 1959 года, признан инвалидом второй группы. Человеку 54 года. Санаторное лечение? Но прямо из Соловьёвки (и ещё до инвалидности) Шепилова вызывают во Фрунзе. Результат вызова и долгих бесед таков (опять же – из шепиловского архива, в копиях):

«Первому секретарю ЦК КП Киргизии товарищу Раззакову И.Р.

Третий месяц как я серьёзно болен и по предписанию консилиума врачей со 2 марта нахожусь в Московской психоневрологической больнице им. Соловьёва...»

И объясняет: лечиться надо ещё не меньше месяца. А дальше предстоит операция на желчном пузыре. И (как он полагал) ещё и резекция язвы. Раньше, пишет Шепилов, он сам просил отправить его подальше от Москвы – в Якутию, Сибирь, на фронт, но...

«Но теперь я болен, я тяжело болен. Я совершенно неспособен и лишён возможности в таком состоянии ехать куда-либо». Поэтому Шепилов просит Раззакова: «...через Ваше посредство имею в виду обращение в ЦК КПСС и лично к товарищу Н.С. Хрущёву с глубокой просьбой... освободить меня от занимаемой должности зам. директора Института экономики и откомандировать совсем из Киргизской ССР с тем, чтобы я примерно годичный срок мог провести в Москве, в соответствующих институтах и больницах». Дата – 29 апреля 1959 года.

20 июня он пишет президенту Академии наук Киргизской ССР проф. Ахунбаеву И.К.: уже четыре месяца в больницах, переведён на инвалидность, работать не могу. Прошу освободить... 17 июня освободили.

Можно ехать в Москву, лечиться с чистой совестью (ну не хотел человек получать зарплату заместителя директора института, если несколько месяцев не мог работать)? Да, он отправился в Москву, потом в санаторий. С примечательным названием, о котором чуть позже. Дальше – языком документов.

«ПРОШУ ОСВОБОДИТЬ 4-КОМНАТНУЮ КВАРТИРУ»

«20 августа 1959. Шепилову Д.Т.

(Обращение – никакого «уважаемый», просто Шепилову Д.Т.)

В связи с постоянной работой в г. Фрунзе... Вам предоставлена в г. Фрунзе по ул. Дзержинского, дом 50, отдельная двухкомнатная квартира размером 35,4 кв. м. Одновременно Вы, имея семью два человека, сохраняете за собой 4-хкомнатную квартиру в г. Москве, в доме Академии наук СССР по Ленинскому проспекту, 13. В соответствии с Постановлением Совета

Министров СССР от 13 апреля 1950 года № 1564, прошу Вас до 1 сентября 1959 года освободить четырёхкомнатную квартиру в г. Москве, по Ленинскому проспекту, 13, размером 95,75 кв. м и передать её в распоряжение Академии наук СССР.

И.о. главного учёного секретаря Президиума Академии наук СССР, член-корреспондент

М.И. Агошков».

Не будем забывать, что время было советское. Это сейчас можно, перестав быть членом правительства, сохранять за собой свою собственную квартиру, а тогда «собственных» квартир не было. Они все были чьи-то ещё.

Ну вот вывели Шепилова из аппарата ЦК – хорошо, что не расстреляли, дело ведь было в марте 1938-го, – и ему, раз так, надо освободить жилье в доме управделами ЦК на Котельнической набережной, 17, где была «3-комн. квартира площадью 78,81 метра». А где жить? ЦК просит АН СССР дать квартиру в домах академии. Шепилов тогда «всего лишь» профессор, но ведь из ЦК его перевели в систему академии... Вот она и дала ему ту самую квартиру на Ленинском проспекте.

Насчёт второй квартиры во Фрунзе: ничего необычного в этом не было, когда, например, в ту же эпоху создавалось Сибирское отделение АН СССР, никто не лишил переехавших туда академиков московской квартиры. Но, извините, если вас только что вышвырнули из этой уважаемой структуры за раскольническую деятельность в другой структуре, то вам – в данной ситуации – одновременно становится негде жить. Ну как в США, когда, теряя высокооплачиваемую работу, вы вынуждены вдобавок выселиться из дома, если ещё не выплатили за него ипотеку.

Единственная квартира, которую

Михаил Первухин, Дмитрий Шепилов и Никита Хрущёв (слева направо) на приеме в посольстве США. 1956 год

Шепилов в своей жизни считал настоящим домом, была та самая – на Ленинском. Лучшие годы жизни. Победы, успехи, друзья.

В ответ – телеграмма президенту Академии Несмеянову от 26 августа:

«Письмом секретаря Академии мне предложено освободить занимаемую Москве квартиру тчк сообщая двтч решением втэк Ленинского р-на гор Москвы 17 июня я переведён инвалидность второй группы тчк связи инвалидностью с работы в Киргизии уволен тчк квартиру гор Фрунзе давно сдал тчк получаю пенсию в Ленинском районе Москвы зпт жена работает Москве тчк нахожусь санаторном лечении Железноводске позже предстоит хирургическая операция Москве тчк выезжать мне некуда и предложение в письме секретаря об освобождении квартиры считаю незаконным тчк прошу телеграфировать санаторий должен ли я прервать лечение и выехать Москву для объяснений Шепилов».

Вдогон вторая его телеграмма, повторяющая первую – кроме формулировки: «выселяться мне кроме как на улицу некуда тчк прошу принять меры прекращения произвола и беззакония тчк». Внизу пометка об адресе отправителя (помните, я сначала его не назвал): Железноводск, санаторий имени думаете кого или чего? Двадцатого партсъезда! Десталинизация, новая прекрасная эпоха, Шепилов помогает на этом съезде Хрущёву писать «закрытый доклад»...

Дело, между прочим, было не только и не просто в выселении из квартиры. Из города тоже. Была такая штука, как прописка.

Представляю себе, как эту очередную телеграмму держали в руках телеграфисты. 31 августа, Кремль, Хрущёву (и копия некоему секретарю ЦК КПСС Брежневу и ещё Микояну): «Милиция лишила меня московской прописки тчк одновременно Академия наук предложила мне срочно выселиться занимаемой мной в Москве квартиры в которой я и моя семья прожили 21 год тчк в конце марта будучи серьёзно больным я через ЦК Киргизии обратился просьбой вам разрешить мне течение года провести Москве назначенное консилиумом лечение и операцию тчк... осенью предстоит тяжёлая операция московском хирургическом институте тчк выселяться мне некуда кроме как на улицу тчк прошу дать указание прекратить беззаконие в отношении меня Дмитрий Шепилов».

И думаете что? 2 сентября 1959 года прокурор города Москвы, государственный советник юстиции 2-го класса Белкин Б.Ф., рассмотрев поступившие от Президиума Академии наук СССР материалы о выселении в административном порядке гр. Шепилова Д.Т., установил – то есть, извините, УСТАНОВИЛ, «что означенный направлен на постоянную работу в Киргизии и занимает квартиру по ул. Дзержинского! Но, несмотря на это, дважды уведомил президента академии о своём отказе освободить занимаемую им в Москве жилую площадь»

Прокурор, государственный советник юстиции по этому поводу предписывает провести выселение в административном порядке. Ленинскому райотделу милиции

Георгий Максимилианович Маленков

следует оказать Управлению делами АН СССР содействие в исполнении настоящего постановления.

Документы кончились. Дальше пошли воспоминания его друзей. Со мной дед об этой истории не говорил никогда. Но были люди чуть ближе ему, чем я, им он рассказывал, да некоторые и участвовали в процедуре. Да, пока не забыл: бабушка Марьяна была с ним в Железноводске, но в другом санатории (с гипертонией), ей тоже послали телеграмму, чтобы участвовала в выселении себя. И так, бывший член-корреспондент АН СССР, но всё ещё профессор и генерал-майор Шепилов приехал из Железноводска, где лечил язву и нервы, и увидел, как выбрасывают в коридор, на глазах понятых и милиции, вещи из квартиры и самое дорогое – книги. Его дочь – моя мама Виктория уговаривала соседей взять вещи на время. Некоторые проходили мимо, отводя глаза. Потом, в заметках, он отводящих глаза не упоминал, но записал, что «самое дорогое для меня – библиотека – взяла семья академика Никитина. Остальные пожитки взяли на хранение семьи академиков Бруевича, Лазарева (Добровольская), Удальцова и другие».

Тамара Толчанова описала затем эту сцену – со слов деду. Она из немногих людей, которым он такие вещи рассказывал. Вот он сидит на ступеньках лестницы и верёвкой связывает книги. Более 7 тысяч томов, по большей части прочитанных, или по крайней мере корешки всех их он знал. И дальше, держа в руках эту верёвку, он задумывается: она крепкая. Выдержит. Достаточно привязать её к железному ограждению лестничной клетки над проёмом...

И тут на плечи ложатся «крепкие, сильные руки» – то была уборщица на лестничной площадке. Он благодаря ей остановился, выжил. Но после выселения деду месяцами мучили дикие головные боли и ещё бессонница (осталась на всю жизнь). Ему предстояли месяцы скитаний по Москве, по родным и друзьям.

Пока не забыл: у Марьяны была своя квартира, оставшаяся от её мамы, той самой замечательной женщины, старой большевички. И, как вы уже догадались... Да, вместе с московской пропиской. Но ещё была дочь Виктория, её муж – капитан Советской армии, участник войны Евгений Косырев и, извините, я. И у нас тоже была квартира, страшная, но в центре, рядом с Арбатом. И, как вы опять же догадываетесь... Но в нашем случае выселения на улицу не случилось. Поселили на тогдашней окраине Москвы, у самого метро ВДНХ (дальше домов почти не было). До сих пор помню громадный овраг и церковь над ним, оптимистический запах свежего бетона: растёт хрущёвская Москва! Про то, почему мы туда переселились, мне, четырёхлетнему, никто, конечно, не рассказывал. Да и немалая часть книг той самой библиотеки пошла к нам домой. Кем бы я стал, если бы не они? Так что остаётся благодарить партию и правительство...

Фото предоставлены издательством «Бослен»

УНЕСЕННЫЕ ВЕТРОМ

Виктория ПЕШКОВА

Специально для «Совершенно секретно»

Как шведский профессор Ларс Гуннар Силлен добился вручения Нобелевской премии химику Николаю Семёнову.

Пастернак, Шолохов, Сахаров – среди нобелиатов постсталинской эпохи есть фигуры, чей путь к премии описан до мельчайших подробностей и хотя бы в общих чертах известен даже тем, кто специально нобелистикой не интересуется. А есть учёные, чьи нобелевские «Одиссеи» известны сегодня, в основном, коллегам и специалистам из смежных областей науки. Между тем, их подъём на вершину был не менее крут и опасен.

Плеть, перешибившая обух

Ларс Гуннар Силлен – профессор Стокгольмского технологического института и эксперт Нобелевского комитета по химии, старинной русской поговорки, очевидно, не знал. А может, он был чемпионом Швеции по такому экзотическому виду спорта, как прошибание стен лбом. Можно выдвинуть ещё более невероятные предположения, но факт остаётся фактом: уже столкнувшись однажды с бойкотировавшей Нобелевское движение советской системой, он не оставил попыток пробить «железный занавес» и обратился в посольство СССР в Швеции с просьбой передать по инстанциям его предложение выдвинуть на Нобелевскую премию 1953 года кого-нибудь из советских химиков.

Бюрократическая машина заработала, шестерёнки со зловещим скрипом начали вращаться. Заведующий 5-м Европейским отделом МИД СССР А.Н. Абрамов направил соответствующую бумагу своему непосредственному начальнику, члену коллегии министерства Г.М. Пушкину. Составлена она была в духе «и нашим, и вашим». С одной стороны, в ней указано, что за про-

Софья Ковалевская

шедшие десятилетия советские ученые ни одной премии не получили, а с другой, констатировано, что, несмотря на желание шведской стороны восстановить связи СССР с нобелевскими учреждениями, это «было признано нецелесообразным». К письму прилагались четыре листа, вырванные из журнала «Новое время» за 1951 год, со статей, «разоблачающей» деятельность Нобелевских комитетов. Видимо, автор письма знал, что сей опус рождён не в редакции журнала, а в недрах МИДа, и решил таким образом подстраховаться. Особой необходимости, правда, в этом не было: предложение шведского учёного так долго блуждало по коридорам власти, что срок подачи номинаций на премию текущего года истёк за полторы недели до составления этого документа – 31 января 1953 года. До «оттепели» оставалось ещё почти два месяца.

Первой ласточкой, возвестившей о её наступлении в сфере научных контактов,

стало участие делегации советских физико-химиков в проходившем в конце июля – начале августа 1953 года в Стокгольме XIII Международном конгрессе по общей и прикладной химии. Ещё за полгода до этого ни о чём подобном наши учёные и мечтать не могли. Познакомившись со своими советскими коллегами лично, Ларс Силлен смог составить более чёткое представление об уровне развития физической химии в СССР. Снова обратившись с предложением о номинации, он уже назвал конкретные фамилии учёных, которые реально могли бы претендовать на премию: первооткрыватель цепных реакций в химии Н.Н. Семёнов и специалист в области твёрдых адсорбентов М.М. Дубинин.

Для составления представления на номинацию Силлену были необходимы материалы их исследований. Они-то и стали камнем преткновения. Память о запрете предоставления иностранным учёным какой бы то ни было научной информации была ещё слишком свежа. Партийные и научные инстанции (то есть отдел науки и культуры ЦК КПСС и Президиум АН СССР) слишком долго искали приемлемое решение – несмотря на некоторое ослабление мёртвой хватки власти после смерти отца народов, люди системы вовсе не были намерены безоговорочно сдавать свои позиции.

Время было упущено. Нужные документы попали к профессору Силлену ... в декабре 1954 года. Причём только на одного Николая Семёнова. 1 февраля 1955 года заканчивался приём номинаций на премию текущего года, оставшегося месяца для добросовестного анализа полученных материалов Силлену явно было мало. Он отложил номинирование с прицелом на премию 1956 года. Естественно, среди лауреатов 1955 года, имена которых были оглашены в октябре, Семёнова не было. Виновата в этом была исключительно советская сторона, но упреки полились в адрес Нобелевского комитета, якобы не желавшего оценивать по заслугам работу советского учёного. «Обида» была зафиксирована официально. В протоколе заседания бюро отделения физико-математических наук АН СССР, состоявшегося 1 ноября 1955 года, по вопросу «О выдвижении советских учёных на Нобелевскую премию» было записано, что её «нельзя считать международной», а потому бюро отказывается предлагать своих кандидатов на премию 1956 года.

Но от этого вердикта судьба профессора Семёнова уже не зависела. Его кандидатуру выдвинул сам Ларс Силлен. 1 ноября 1956 года Н.Н. Семёнов был объявлен лауреатом Нобелевской премии по химии за исследование в области механизмов химических реакций. Первым среди своих советских коллег. Премию с ним разделил учёный из Оксфордского университета Сирил Хиншелвуд, который номинировал своего потенциального «соперника» ещё в 1946 году, проявив при этом подлинное благородство. Дело в том, что его собственный авторитет в означенной сфере был весьма велик, исследования обоих учёных лежали в одной области, и Хиншелвуд в своих работах опирался на открытия Семёнова. Он знал, что за близкие научные результаты премию могут дать двум или трём учёным совместно, но никак не в разные годы по отдельности. Присуждение премии одному Семёнову, если бы представление Хиншелвуда было принято комитетом, перекрыло бы ему самому дорогу к нобелевским лаврам. И, тем не менее, он воспользовался своим правом номинатора, чтобы побудить комитет отдать должное достижениям коллеги.

Андрей Сахаров

10 декабря Николай Николаевич Семёнов получил из рук короля Швеции диплом и золотую медаль с профилем Альфреда Нобеля. Увы, торжество было омрачено эхом венгерских событий 23 октября–4 ноября 1956 года. Присутствие среди лауреатов советского гражданина вынудило правление Нобелевского фонда несколько изменить привычный церемониал. Банкет, устраивавшийся в те времена в Золотом зале Ратуши, был перенесён в небольшой зал приёмов Шведской академии. Дипломатический корпус, включая послов тех стран, граждане которых стали лауреатами этого года, отсутствовал. Был отменён традиционный для банкетов концерт. Присутствовавшие на банкете дамы, включая королеву, были одеты в туалеты серых тонов.

И ещё одна любопытная деталь. По традиции, лауреат прибывал на церемонию вместе с семьёй, а нередко ещё и с более дальними родственниками (лауреат премии по физиологии и медицине Вернер Форсман привёз с собой семерых детей). Семёнова сопровождала только жена, детей из страны не выпустили. И так будет происходить вплоть до прекращения существования СССР: власти смертельно боялись, как бы семья очередного лауреата в полном составе не отказалась бы от возвращения на родину. Исключение из этого правила составил только Михаил Шолохов, коему было высочайше даровано позволение ЦК (членом которого писатель и состоял) взять с собой на церемонию многочисленных чад и домашних.

Грустно признавать, но если бы не упорство, принципиальность и терпение шведского химика Ларса Гуннара Силлена, нобелевский прорыв советской науки состоялся бы гораздо позже. Состоялся бы непременно – роль советской науки в поле общемирового научного прогресса была значимой сама по себе. Но скольких лауреатов она недосчиталась бы, если бы не Силлен?

«Нежелательный» лауреат

Так сложилось, что советские учёные редко получали Нобелевскую премию в благоприятной для СССР атмосфере. Церемония вручения премии 1956 года Н.Н. Семёнову была омрачена венгерскими событиями. В 1958 году лауреатам премии по физике – П.А. Черенкову, И.Е. Тамму и И.М. Франку дорого обошлось лауреатство Бориса Пастернака. Нелегко пришлось и Л.В. Канторовичу, получившему одну из первых премий по экономике (она посвящена памяти А. Нобеля и вручается с 1969 года) в тот же год (1975), когда академик А.Д. Сахаров был удостоен Нобелевской премии мира.

Награждение Сахарова для Старой пло-

Николай Семёнов.

Внизу: Лауреат Нобелевской премии по литературе Борис Пастернак. 1 октября 1958 года

щади неожиданностью не было. Информация о возможности такого решения просочилась на страницы мировой прессы задолго до его официального объявления, и партаппаратчики успели к нему подготовиться. А вот известие о том, что Нобелевская премия 1975 года по экономике разделена между советским академиком Леонидом Канторовичем и американским профессором Тьяллингом Купмансом, обрушилось на них как снег на голову: нобелевские комитеты, присуждающие премии по науке, строже соблюдали конфиденциальность.

Для советской экономической науки Канторович был лицом нежелательным ещё с 1939 года, когда профессор Ленинградского университета впервые применил на практике разработанный им метод линейного программирования, позволяющий оптимально планировать все этапы производственного процесса от первичной обработки сырья до выхода готовой продукции. Леонид Витальевич по натуре был человеком весьма независимым и прямолинейным, отстаивая свои научные взгляды, он нередко таранил догматические постулаты политической экономики социализма. В ответ «оппоненты» обвиняли его в чрезмерном увлечении математическим аппаратом, за которым «терялась суть экономической материи». Во второй половине 40-х нападки стали особенно интенсивными, и учёный «сбежал» от прикладных исследований в чистую математику.

С началом «оттепели» ситуация постепенно нормализовалась: Канторовича избрали сперва членом-корреспондентом АН СССР, затем академиком, была, наконец, напечатана его программная работа «Экономический расчёт наилучшего использования ресурсов», пролежавшая «в столе» 20 лет. Принципы, открытые и обоснованные этим выдающимся экономистом, широко использовались в капстранах и были слишком эффективны, чтобы отказаться от их применения в советской экономике. Но противники Канторовича, проповедовавшие «светлое коммунистическое будущее» в тех рамках, кои были определены для него вождём народов, не сдавались и вставляли палки в колёса где только возможно, в том числе и в решение вопроса о присуждении Канторовичу Ленинской премии. А тут такой неожиданный поворот: Нобелевская премия! Оспорить решение учреждения-наделителя было невозможно, пришлось бросать в бой политический «резерв».

Руководство АН СССР с подачи отдела науки ЦК КПСС попыталось, в обмен на поездку в Стокгольм, принудить нобелевского лауреата поставить свою подпись под письмом с осуждением Сахарова и решения Нобелевского комитета мира. Несгибаемый Канторович письмо не подписал, мотивируя это тем, что не имеет морального права осуждать действия Нобелевского фонда. Между тем риск быть невыпущенным в Стокгольм был очень велик. Канторовича вообще нечасто выпускали за границу, а когда в 1969 году Американская академия наук и искусств в Бостоне избрала его вместе с А.Д. Сахаровым и А.И. Солженицыным своим иностранным членом, он стал абсолютно невъездным. Порой доходило до смешного: в 1971 году Инострантный отдел АН СССР не счёл необходимым сообщить Леониду Витальевичу об избрании его почётным доктором наук Хельсинкского университета. Он узнал об этом из письма университетского портного, посланного на домашний адрес учёного, в котором мастер просил срочно сообщить размер его головы, чтобы пошить ему цилиндр для церемонии.

К счастью, на церемонию вручения Нобелевской премии Канторовича всё-таки выпустили и даже вместе с женой. О том, чтобы взять с собой детей, не могло быть и речи.

О новых лауреатах все мировые радиостанции сообщили в тот же день, советская же пресса молчала неделю, а затем разродилась коротким сообщением ТАСС. Даже в официальных поздравительных телеграммах отправители старались не упоминать, с получением какой именно премии они поздравляют адресата. В Академии наук лауреатство Канторовича тоже, в основном, восприняли без энтузиазма. Близкий друг Леонида Витальевича академик Аганбегян вспоминал, что на банкете, устроенном в

честь новоиспечённого лауреата, президент АН СССР А.П. Александров, провозглашая вполне официальный тост, вдруг отошёл от протокола: «Слушайте, нас здесь много – академиков, членов президиума, секретарей отделений, крупнейших учёных. Но давайте честно скажем себе: ведь лауреат Нобелевской премии среди нас только один – Канторович». Хотя один человек понимал, что это такое, тем более для русского учёного, при такой-то конкуренции...

Премии, которые мы потеряли

Статистику Нобелевских премий по всем разделам (включая премию памяти Нобеля по экономике), присуждённых с момента её основания, то есть с 1901 года, мы привести не будем. Потому как за державу обидно. Причём берём понятие «державы» в самом широком диапазоне – от царской России до нынешней. И обиды эта становится особенно острой не при сравнении наших результатов с показателями «лидеров турнирной таблицы» – США, Великобритании и Германии, а при сопоставлении их с достижениями таких стран, как Швеция, Швейцария, Нидерланды, которые тоже умудрились нас опередить. Точные показатели по отраслям и по совокупности любой желающий без труда найдёт в сети. Но дело же не в цифрах!

Можно апеллировать к случаям явной предвзятости Нобелевских комитетов, ну, хотя бы пресловутой «эпохи Вирсена», сетовать по поводу безынициативности российского научного сообщества на рубеже позапрошлого и прошлого веков, возмущаться сталинским курсом на «борьбу с космополитизмом и преклонением перед Западом». Но существует и ещё одна причина, имя которой «утечка мозгов». Безысходность, дискриминация, невозможность дать детям достойное образование – вот катализаторы процесса, который идёт в России уже почти полтора столетия. Соотечественники наши покидали родину задолго до первой волны эмиграции, и сегодня этот процесс, последний пик которого пришёлся на «лихие 90-е», не намного сбавил обороты. Значимость этого явления для развития российской науки доказывается тем простым фактом, что количество премий, пришедшихся на эмигрантов из России и их потомков, в два раза превышает число наград, полученных теми, кто страну не покинул.

Первым лауреатом Нобелевской премии из числа «унесённых ветром» был Зельман Ваксман, родившийся в 1888 году в Прилуках Полтавской губернии.

В США, куда до него уже эмигрировали замужние старшие сёстры, он попал в 22 года. Получить систематическое среднее образование юноше не пришлось. По установленной в царствование Александра III пропорции, соотношение учащихся христианских вероисповеданий и иудеев составляло 10 к 1. Будущий нобелевский лауреат освоил курс гимназии с частными педагогами, сдал экзамены экстерном и вскоре покинул родину. Было это в 1910 году.

Ситуация с высшим образованием для женщин была ещё сложнее: университетский диплом они могли получить только за рубежом. Дважды лауреат Нобелевской премии Мария Склодовская-Кюри, родившаяся в Варшаве в 1867 г. в семье подданных Российской империи, поступила на факультет естественных наук Парижского университета и больше на родину не вернулась. И правильно сделала, ибо там её ожидала бы та же участь, что постигла Софью Ковалевскую: доктору Гёттингенского университета не нашлось места ни в Петербургском, ни в Московском университете. Лауреат двух престижных научных премий Французской и Шведской академий наук у себя на родине могла рассчитывать лишь на должность профессора Высших женских курсов.

Но вернёмся к Ваксману и зададимся вопросом, в каком году получило бы человечество стрептомицин – первый действенный противотуберкулёзный препарат,

Король Швеции Карл-Густав вручает экономисту Леониду Канторовичу Нобелевскую премию «За вклад в теорию оптимального распределения ресурсов». 1975 год

если бы ему не удалось получить заветный аттестат? Выступая на нобелевском банкете, Ваксман рассказал о маленькой девочке, которая послала ему по случаю присуждения премии букет из пяти цветов – по одному за каждый год, что она прожила благодаря открытому им препарату. И этот букет он поставил выше престижнейшей международной награды.

Отправной точкой его исследований стало предположение Луи Пастера о том, что в почве могут существовать микроорганизмы, обладающие антибиотическими свойствами. Эксперименты шли четыре года, было изучено более 10 тысяч препаратов, и в 1943 году был обнаружен грибок с нужными характеристиками, а через три года новое лекарство стало применяться в медицинской практике. В том же 1946-м, в зените своей славы, учёный приехал на родину – прочесть цикл лекций по приглашению АН СССР. На следующий год Государственное

издательство иностранной литературы выпустило в свет русский перевод его монографии «Антагонизм микробов и антибиотические вещества». А всего через пару месяцев, на очередном витке «охоты на ведьм», директору издательства Б.Л. Сучкову было предъявлено обвинение в том, что он «вредительно запутал дело выписки иностранной литературы, открыв канал для засылки в Советский Союз контрреволюционных книг», среди которых была и работа Зельмана Ваксмана.

А ещё через год в контексте пресловутого «дела Ключевой и Роскина», о котором шла речь в нашей предыдущей публикации, американского бактериолога чуть не обвинили в шпионаже. В своём выступлении на партийном собрании в Президиуме АН СССР 15 января 1948 года член партбюро В. Зорин был весьма красноречив: «С нашей стороны было проявлено к нему не в меру усердия при приёме. Это – обычный делец, приезжал сюда по заданию своего господина – доллара. В здании Президиума сделал доклад, написал книжку и всё сделал в американском духе – много наговорил и ничего не сказал. Гостеприимство – характерная черта русского, советского человека, но вместе с гостеприимством надо быть и бдительным, так как к нам приезжают не только с добрыми намерениями, но и с определёнными шпионскими заданиями». А Ваксман во время пребывания в Москве даже близко к лаборатории Ключевой и Роскина не подходил.

А в январе 1949 года в прокат вышел фильм «Суд чести», в главном отрицательном персонаже – американском профессоре Картере без труда угадывался первооткрыватель стрептомицина, «отретушированный» спецназом по идеологической обработке. А чтобы никто не ошибся, кто именно стал прототипом злодея, в картине была соответствующая сцена, где один из положительных героев призывает коллегу к бдительности: «Кстати, ведомо ли тебе, почём они (американцы – В.П.) нам стрептомицин торгуют? За одну дозу для лечения одного только больного особняк можно воздвигнуть... А ты перед ними ножками шаркаешь, двери настаешь...»

Мария Склодовская-Кюри

Зельман Ваксман стал первым в плеяде лауреатов, чьи награды могли бы лечь в копилку России, если бы не наши родимые ксено- и прочие фобии.

Шелдон Ли Глэшоу родился в Нью-Йорке, потому что его родителей ещё детьми увезли из Бобруйска за океан их мамы и папы, спасавшиеся от охвативших Могилёвскую губернию еврейских погромов. В США, вставши на ноги, Лейба Глуховский англоизировал свою фамилию, основал процветающую фирму по ремонту водопровода, благодаря чему и дал трём своим детям, в том числе и Шелдону, блестящее образование. Мальчик оправдал вложенные в него средства, получив в 1979 году Нобелевскую премию по физике «за вклад в объединённую теорию слабых и электромагнитных взаимодействий между элементарными частицами».

Правда, вопрос о том, удалось бы Шелдону (интересно, как бы его звали на родине?) реализовать свои выдающиеся способности, появившись он на свет в Бобруйске, остаётся открытым.

В ту же категорию несостоявшихся соотечественников вместе с Глэшоу подпадают ещё почти полтора десятка лауреатов Нобелевской премии, родители которых в своё время эмигрировали из Российской империи: физики Дуглас Ошеров и Артур Шавлов, химики Пауль Берг, Герберт Браун (Броварник), Мелвин Калвин, медики и биологи Джон Вейн, Бернард Кац, Стенли Коэн, Андрэ Львов, Даниел Натане, Эрнст Борис Чейн (Хаин), Гертруда Элайон...

Продолжать можно. Нужно ли? Ведь и сейчас молодые таланты всеми правдами и неправдами пробиваются в американские, британские, японские университеты и лаборатории, где у них есть возможность заниматься наукой, не влача при этом полупнищенское существование. Правда, проекты восстановления былой мощи отечественной науки в последнее время появляются на свет как грибы после дождя. Один грандиознее и фантастичнее другого. И даже средства на их реализацию вроде бы в нашем не слишком щедром бюджете обнаруживаются. И на контроле у первых лиц страны эти проекты находятся. Радоваться бы! Да не получается. ■

«СОВЕТСКИЙ ЛОМОНОСОВ»

Сергей НЕКРАСОВ

Специально для «Совершенно секретно»

В истории приоритетов «нет повести печальнее на свете», чем одиссея гениального физика Олега Лаврентьева. Его судьба лишний раз подтвердила правоту Нильса Бора, который как-то с горечью сказал: «в мире существует сообщество страшнее бандитского: это сообщество ученых».

Десять лет назад в бумагах выдающегося советского физика Льва Арцимовича был обнаружен т.н. «список Головина», в котором по ранжиру были выстроены те, кто внес наиболее существенный вклад в создание советского термояда. Среди них были такие корифеи отечественной физики, как Курчатов, Леонтович, Велихов, Сагдеев и др. – всего около полусотни имен. Однако при этом три фамилии были выделены отдельно – с них, собственно и начинался список. И первым номером шло имя Олега Лаврентьева, а уже вслед за ним следовали Андрей Сахаров и Евгений Тамм. Такое внимание к человеку, который первым сформулировал идею управляемой термоядерной реакции, отцу советской водородной бомбы – было не случайным. Именно его изобретения в начале 50-х годов прошлого столетия обеспечили приоритет СССР в атомной гонке двух сверхдержав.

Семьдесят один год назад, в 1949 году, в СССР прошли испытания первой советской атомной бомбы. Пройдет еще три года (12.08.1953) и над Семипалатинским полигоном взорвется первый водородный заряд под кодовым наименованием «изделие РДСбс». Главная проблема при создании подобного оружия заключалась в том, чтобы с помощью атомного взрыва «поджечь» тяжелые изотопы водорода – дейтерий и тритий, чтобы далее пошла неуправляемая термоядерная реакция. Первыми такое устройство создали и испытали в 1952 году американцы. В качестве «горючего» ими был использован жидкий дейтерий. При этом вся конструкция получилась высотой с двух этажный дом и весила она (по разным оценкам) до 97 тонн. Понятно, что доставить этот «заряд» в зону боевых действий было нереально. Перед физиками того времени стояла фундаментальная задача: найти термоядерное топливо для изготовления «сухой» бомбы. Считается, что ее решил Андрей Сахаров. Однако это не так: первым, еще в 1948 году, с ней блестяще справился рядовой Советской армии Олег Лаврентьев, опередив на тот момент аспиранта академика Тамма. Всесильный Лаврентий Берия позднее называл этого простого псковского парня «советским Ломоносовым», протезировал ему, помогал материально. Это обстоятельство (плюс – банальная зависть) и сыграло роковую роль в дальнейшей судьбе Олега Александровича.

ИДЕИ НОСИЛИСЬ В ВОЗДУХЕ

Нет ничего удивительного, если одна и та же гениальная мысль приходит одновременно в головы сразу нескольким ученым – великие думают одинаково. В истории науки таких случаев не счесть. Например, подавляющее большинство землян убеждено, что принцип относительности был первым предложен великим Эйнштейном. Однако мало кто знает, что приоритет в этой области принадлежит французскому математику Анри Пуанкаре, который значительно раньше сформулировал математический аппарат преобразований координат и времени между различными системами отсчета. Сам же термин «теория относительности» принадлежит выдающемуся физiku Макс Планку. Жизнь Олега Лаврентьева (1926 – 2011 гг.), как составная часть истории мирового атомного проекта, тоже достойна

ОЛЕГ ЛАВРЕНТЬЕВ С АКАДЕМИКОМ ПАТОНОМ

внимания хотя бы потому, что именно он предложил революционную идею отказаться от «тяжелой воды» и использовать в качестве термоядерного топлива твердый дейтерид-лития-6, что сделало водородную бомбу: а) компактной и б) транспортабельной. Таким образом «изделие РДСбс», в отличие от американского аналога, представлял собой бомбу весом 7 тонн, которая помещалась в люке бомбардировщика Ту-16. По словам Марата Крайнего, который долгие годы занимается изучением биографии Лаврентьева на одну ступень с гениальным Ломоносовым.

«Похожи и ситуации, в которых они оказались», – продолжает собеседник специального корреспондента «Совершенно секретно». – Оба рано покинули отчий дом. Правда, в каноническом случае будущее светило отправился за знаниями в Москву вместе с рыбным обозом. В наше время Олег Александрович оказался совсем в другой стороне. Когда немцы заняли родной Псков, он был еще школьником. После освобождения города добровольцем пошел в армию, воевал в Прибалтике, а потом судьба занесла его на Сахалин. Тем не менее, удаленность от научных центров, не помешала ему сделать свои гениальные открытия. И не

только в военной сфере. Лаврентьева без всяких скидок можно назвать «отцом управляемой термоядерной реакции», предложившим ее простое и оригинальное решение».

АТОМНЫЙ СЕКРЕТ ПОЛИШИНЕЛЯ

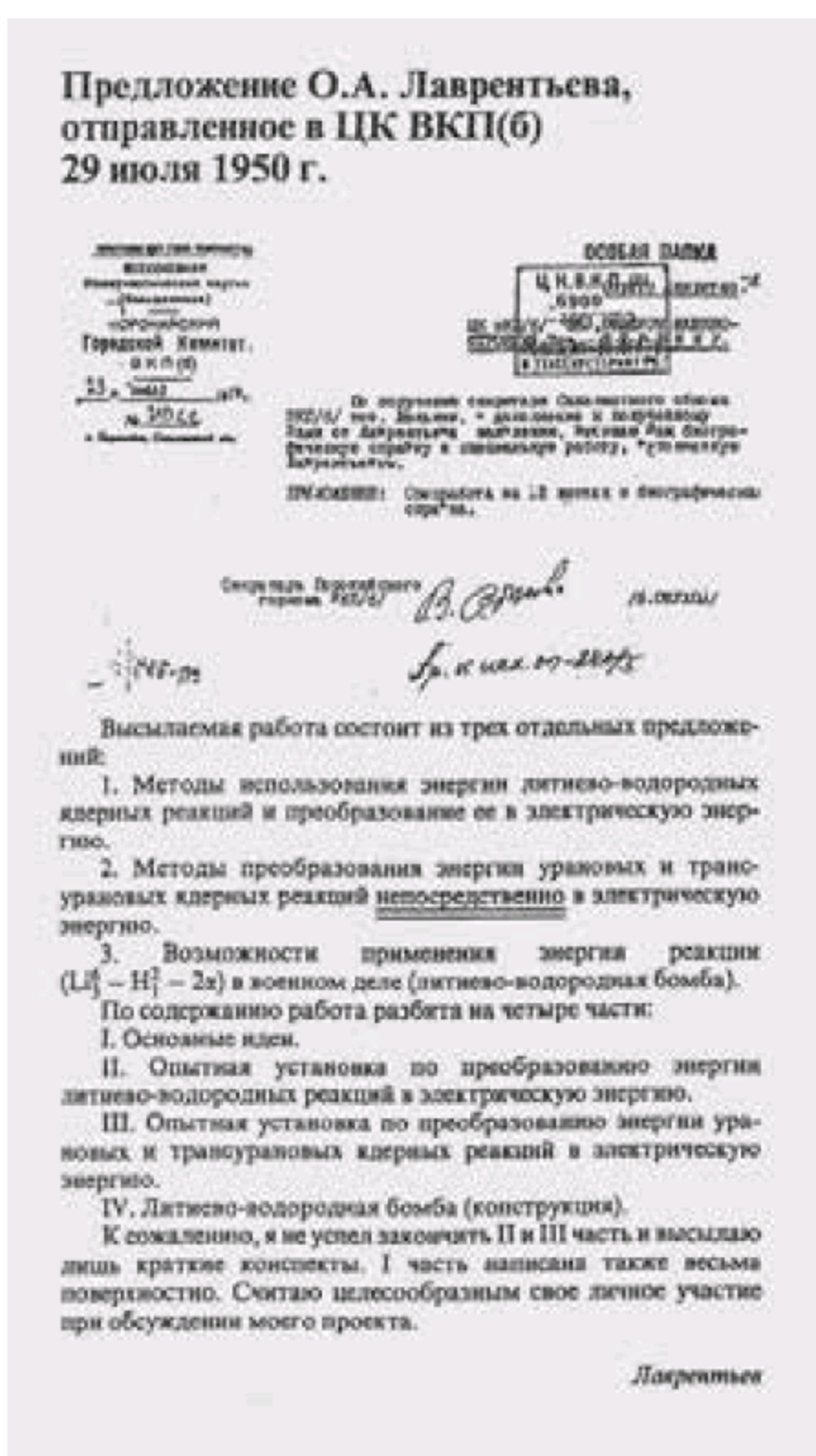
Если же говорить о происхождении, то в этом корифеи тоже были до некоторой степени похожи. Будущий доктор физико-математических наук был выходцем из самых низов: его отец Александр Николаевич происходил из крестьян Псковской губернии и до войны служил делопроизводителем на заводе «Выдвиженец». Супруга Александра Фёдоровна, окончив церковно-приходскую школу, работала медсестрой в Доме матери и ребенка. Семья жила в одном из домов Поганкина переулка, рядом с, так называемыми, «Поганкиными палатами», где до сих пор располагается Псковский государственный музей-заповедник, а учился Олег поблизости – в образцовой школе № 2. Свое место в жизни четырнадцатилетний мальчишка определил сразу после того, как случайно прочитал научно-популярное издание «Введение в ядерную физику». Как позже напишет в своей автобиографической книге Олег Александрович, «так я впервые узнал атомную проблему, и родилась моя голубая мечта – работать в атомной физике». Следует отметить, что в 1941 году, когда Лаврентьев сделал свой жизненный выбор, уже было известно об открытии Отто Гана и Фрица Штрассмана (Германия), которые установили, что атомное ядро урана, находясь в состоянии неустойчивости, способно делиться, выделяя при этом огромное количество энергии. Практически одновременно к такому же выводу пришли француз Жюлио-Кюри, венгр Лео Сцилард и итальянец Энрико Ферми. Более того, в 1939 году супруги Кюри подали заявку на патент (№ 971-324) атомной бомбы, которыми они, впрочем, не воспользовались. Скорее всего, тут сыграли свою роль соображения гуманистического характера – Кюри, как никто понимал, чем атомное оружие может грозить человечеству. При этом он отдавал себе отчет: что будет, если гитлеровцы сумеют первыми заполучить «вундер-ваффен». Не отставали в атомной гонке и в СССР. Так, в 1940 году советские физики Виктор Маслов, Фридрих Ланге и Владимир Шпинель – сотрудники Украинского физико-технического института (Харьков) получили авторское свидетельство на изобретение атомной бомбы. Самое удивительное заключалось в том, что они не делали из своей работы тайны, поэтому практически до середины войны эти материалы были, чуть ли, не в откры-

том доступе. На этот момент хочется обратить особое внимание: в последнее время стараниями зомбо-ящика в головы россиян усиленно вбивалась мысль о том, что атомный секрет Полишинеля, якобы, был украден у американцев советскими разведчиками, что облегчило Курчатову и группе ученых-физиков довести «изделие» до полигона. Как видно на примере группы Маслова, все было иначе. Однако с одним фактом спорить не приходится: руководство профильных ведомств не оценило значение этого открытия. В частности, академик Виталий Хлопин, директор Радиевого института Академии наук СССР, когда этот проект попал ему на стол, наложил на него такую резолюцию: «Заявка не имеет под собой реального основания, идея атомной бомбы фантастична». На расчеты и выводы харьковчан обратили внимание только когда узнали, что американцы проявляют неожиданный интерес к этой теме. По странному стечению обстоятельств много лет спустя судьба приведет Олега Лаврентьева в Харьков, но сначала была война, после окончания которой, солдат оказался на Сахалине.

ПУТЬ К «ГОЛУБОЙ МЕЧТЕ»

Именно там Олег Александрович первые задумался, ни много ни мало, о проблеме создания водородной бомбы. Тем более что по его собственному признанию, свободного времени у него было достаточно, чтобы без остатка посвятить себя атомной физике. Удачно складывались и обстоятельства: благодаря тому, что Лаврентьев занимал сержантскую должность, он получал денежное пособие, которое полностью тратил на книги и журналы, которые выписывал по почте. Плюс к тому в 221-м зенитно-артиллерийском дивизионе, где служил юноша, оказалась неплохая библиотека с большим выбором технической литературы. Чтобы приблизиться к своей «голубой мечте», он самостоятельно освоил дифференциальное и интегральное исчисление, проштудировал университетскую программу по механике, теплоте, молекулярной и атомной физике, электричеству и магнетизму, не говоря уже о химии. И далее цитата:

«Идея использования термоядерного синтеза впервые зародилась у меня зимой 1948 года. Командование части поручило мне подготовить лекцию для личного состава по атомной проблеме. Вот тогда и произошёл «переход количества в качество».

Имея несколько дней на подготовку, я заново переосмыслил весь накопленный материал и нашел решение вопросов, над которыми бился много лет подряд: нашел вещество – дейтерид лития-6, способное детонировать под действием атомного взрыва, многократно его усилив, придумал схему для использования в промышленных целях ядерных реакций на легких элементах».

Чтобы оценить всю значимость открытий Лаврентьева следует помнить, что их сделал не выпускник престижного вуза, не аспирант или инженер, а 22-летний юноша, у которого за плечами было всего семь (!) классов средней школы. На этот факт следует обратить особое внимание, хотя бы потому, что аттестат зрелости рядовой Лаврентьев получит лишь год спустя, в мае 1949 года. Дело в том, что в Советской армии на тот момент действовал приказ, который запрещал военнослужащим посещать вечернюю школу. Однако замполит сумел убедить командира части, чтобы тот разрешил учиться не только рядовому Лаврентьеву, но и еще двум другим его сослуживцам. И недаром: за один год он усвоил объем знаний сразу за 8, 9 и 10 классы, подтвердив свои успехи на экзаменах. В июле ожидалась демобилизация, уже готовились документы в приемную комиссию МГУ, но тут физику-самоучке неожиданно присвоили звание младшего сержанта, и про дембель пришлось забыть еще на год. А дальше начинается история, которая, как нельзя лучше, подходит для байопика о создании советской царь-бомбы.

НЕ ЖИЗНЬ, А КИНО!

В нем будет все, что присуще этому жанру: и письмо, отправленное Лаврентьевым из сахалинской глуши Сталину, в котором была всего одна строчка «я знаю, как сделать водородную бомбу». Проверка его автора на вменяемость: с точки зрения норм тогдашней партийной этики подобные способы привлечь внимание «вождя всех народов» могло закончиться этапом – в лучшем случае, а в худшем – расстрельной 58-й статьей. Вне всякого сомнения, в сценарий могла бы целиком войти и сцена, где академик Евгений Тамм и его аспирант Андрей Сахаров, с недоумением узнают, что принцип создания «сухой» термоядерной бомбы им – серьезным физикам предлагает какой-то солдат с 7-ю классами образования с далекого Сахалина. В этом случае лучше всего предоставить слово известному писателю Николаю Андрееву, автору фундаментальной монографии «Андрей Сахаров».

– Когда он (академик Тамм. – Прим. ред.) приехал на Объект, Сахаров и его немногочисленная группа уперлись в тупик... издание получалось громоздким... Ни один бомбардировщик был не в состоянии поднять такую бомбу. Подсказка пришла – откуда не ждали. Тамм передал Андрею конверт. Обратный адрес – воинская часть.

– Что это?
– Переслали от Берии. Очередной прожект, как сделать бомбу. Лаврентий Павлович – человек увлекающийся, верит всему. Составьте ответ: спасибо за поиск, и объясните, что нужно много знать, чтобы сделать бомбу...

Сахаров вспомнил о письме только к концу дня. Начал читать. Первую страницу пробежал, а вторая заставила вчитаться, вернуться к началу. Неожиданно обнаружил: далекий автор дело пишет. В конце письма стояла подпись: матрос Лаврентьев. Заглянул к Тамму.

– Игорь Евгеньевич, моряк дело пишет. Интересные идеи выдвигает... Он предлагает получить высокотемпературную дейтериевую плазму с помощью системы элект-

ростатической термоизоляции. Это как раз поможет нам снизить вес изделия...

– Хорошо, – заключил Тамм. – Подумаем над этим. Моряка поблагодарите. Кто бы мог подумать, обыкновенный моряк!?

«А ЧТО ДУМАЕТ ПО ЭТОМУ ПОВОДУ ТОВАРИЩ САХАРОВ?»

Одной из ключевых сцен могла бы стать аудиенция, которую дал Олегу другой знаковый персонаж сталинской эпохи, а именно Лаврентий Берия. Перегруженный киноштакетами, читатель легко может представить себе, как поздно вечером в его кабинет входит студент 1-го курса МГУ Лаврентьев – эту роль мог бы исполнить популярный артист Петров, хорошо известный публике по блокбастеру «Т-34». Правда, гримерам пришлось бы поколдовать над внешностью киногероя: у его реального персонажа были довольно круглые щеки. Собственно с этого и начался реальный разговор с всесильным наркомом.

– У вас болят зубы? – неожиданно спросил Берия, имея в виду припухлость щек, и тут же получил простодушный ответ: от рождения такие. После этого, разговор сразу зашел о бомбе: невысокий парень, не смущаясь, давал четкие, профессиональные пояснения.

– А вы что думаете по этому поводу товарищ Сахаров? – неожиданно перебил Олега нарком, обращаясь к еще одному гражданскому персонажу, который все это время внимательно слушал разговор. Аспирант академика Тамма почти по-военному ответил, что «автор ставит весьма важную и не являющуюся безнадежной проблему, необходимо детальное обсуждение проекта товарища Лаврентьева».

– Независимо от результатов обсуждения необходимо уже сейчас отметить творческую инициативу автора, – закончил Андрей Дмитриевич свой короткий спич. Берия одобрительно кивнул, потом вызвал помощника, дал краткие распоряжения и дружелюбно попрощался с гостями. Молодые люди вместе покидают Кремль, и пока идут до метро разговаривают сугубо о физике. При этом Сахаров предлагает работать вместе – не раздумывая, Лаврентьев с энтузиазмом соглашается. Правда, дальше «договора о намерениях» ничего не последовало. Тем не менее, первокурсник открыт: ему кажется, что «голубая мечта», кото-

рая ему снилась в оккупированном Пскове, вот-вот исполнится. При этом он, правда, не знает, что для ее осуществления уже отданы соответствующие распоряжения:

Из письма Л.П. Берии от 04.01.1951 года, тт. Б.Л. Ванникову, А.П. Завенягину и И.В. Курчатову: «Мы не должны забыть студента МГУ Лаврентьева, записки и предложения которого по заявлению т. Сахарова явились толчком для разработки магнитного реактора... Я принимал т. Лаврентьева. Судя по всему, он человек весьма способный. Вызовите т. Лаврентьева, послушайте его и сделайте совместно с т. Кафтановым С.В. (министр высшего образования СССР) все, чтобы помочь т. Лаврентьеву в учебе и, по возможности, участвовать в работе. Срок 5 дней».

Вскоре последовал ответ: «по Вашему поручению сегодня нами был вызван в ПГУ студент 1-го курса Физфака МГУ Лаврентьев О.А. Считаю целесообразным: 1. Установить персональную стипендию – 600 руб. 2. Освободить от платы за обучение в МГУ. 3. Прикрепить для индивидуальных занятий квалифицированных преподавателей МГУ: по физике Телесина Р.В., по математике – Самарского А.А., (оплату производить за счет Главка). 4. Предоставить О.А.Л. для жилья комнату площадью 14 кв.м по Горьковской набережной 32/34. 5. Выдать О.А.Л. единовременное пособие 3000 руб. за счет ПГУ». Подписана: Б. Ванников, А. Завенягин, И. Курчатов, Н. Павлов. 19 января 1951 года.

ИСТОРИЮ ПИШУТ ПОБЕДИТЕЛИ

Ну, а финальные серии нашей кино-эпопеи о «советском Ломоносове», который, имея доступ только к школьному учебнику физики, в одиночку, сделал то, над чем бились огромные коллективы по обе стороны океана, оказались, увы, трагические. Весной 1953 года умирает Сталин, а летом происходит государственный переворот. Одним из его кульминационных эпизодов стало физическое устранение Берии – генерал-полковник Павел Батикский из именного пистолета не дрогнувшей рукой загоняет ему пулю в лоб. К власти приходит Никита Хрущев, который после успешного испытания термоядерной бомбы в августе того же года, начинает щедро раздавать золотые звезды Героев Соцтруда, премии, прочие материальные блага. Однако, в списке награжденных, автора идеи, который, по словам того же Андрея Сахарова, вывел его группу из научного тупика, не было. Вместо награды последовали репрессии против всех, кто был близок к наркому, возглавлявшему советский атомный проект. По всей видимости, «чистильщики» отнесли к таковым и студента-физика Лаврентьева. Ему перестали выплачивать повышенную стипендию, потом обязали платить за обучение в университете, а на все недоуменные вопросы Олега «почему?» уже новый декан факультета ответил прямо: «Ваш благодетель умер. Чего же вы хотите?» Одновременно Лаврентьева под предлогом того, что его отец был репрессирован, лишили допуска секретности. В конце концов, ему удалось защититься с отличием, но в Лабораторию № 2 АН СССР, где он мечтал работать, занимаясь управляемым термоядерным синтезом, его не приняли. К тому же жить в Москве уже было негде: комнату, которую получил Олег по личному распоряжению Берии, отобрали. По совету одного из референтов Хрущева, весной 1956 года Лаврентьев уезжает в Харьков, в физикотехнический институт, где планировали создать новый отдел плазменных исследований. До конца жизни доктор наук Олег Лаврентьев, автор 114 научных работ, будет

работать в знаменитой харьковской «пятихатке», время от времени узнавая, что его идеями пользуются другие, не давая себе труда даже просто упомянуть их автора. С другой стороны кто из академиков признается, что они раздвигают на цитаты «атомный доклад» солдата с 7-ю классами образования. Однако не все мирились с таким положением вещей: в 2001 году от имени физиков Сарова в Российскую академию наук ушло письмо, в котором содержалась просьба восстановить в истории отечественной науки его доброе имя.

«Если кому-то и можно присвоить высокое звание «отца идеи управляемого термоядерного синтеза», то его следует дать только О.А. Лаврентьеву, инициировавшему работы по УТС в мире, – говорилось далее в послании. – Частичным исправлением допущенной несправедливости будет избрание доктора физико-математических наук, ведущего научного сотрудника Харьковского физико-технического института Олега Александровича Лаврентьева на ближайшей сессии РАН Действительным ее членом. И наконец, ходатайствовать о его награждении Золотой Звездой Героя России. Страна должна по делам оценивать своих Граждан!»

Для высокой оценки научного подвига Олега Александровича были все основания. Достаточно сказать, что по ту сторону океана первая водородная бомба, в основу которой был положен дейтерид лития-6, была взорвана 1 марта 1954 года – на год позже чем, в СССР. В этом проекте принимало участие 12 нобелевских лауреатов, которые заново открыли то, что сделал в 1948 году Лаврентьев. Увы, но, судя по молчанию академического сообщества, вклад Олега Александровича в обороноспособность страны так и остается недооцененным. Бытует даже мнение, что Лаврентьев тут вообще ни при чем: типа, это был коллективный проект, над которым трудились такие авторитеты, как Курчатов, Тамм, Гинзбург, Зельдович, Харитон и др. При этом пальма первенства все-таки принадлежит Сахарову. Между тем последовательность событий и отзыв самого Андрея Дмитриевича о гениальном прозрении «тихоокеанского матроса» не оставляет сомнений в приоритете псковского «Ломоносова». Бывает и так, что Олега Александровича упрекают в том, что он, дескать, больше не предложил других прорывных идей. Подобный упрек можно адресовать и Менделееву: типа, маловато будет – всего одну таблицу и придумал. Или попенять Ньютону, который открыл силу гравитации. Надо было, не останавливаясь на достигнутом, сразу же придумать, как ее преодолеть – чего уж там! Воистину, прав был герой одного советского популярного фильма: вас послушаешь, так вся история населена двоечниками. Этот не догадался, тот не предусмотрел... В самом деле, мог ли простой парень из провинции предположить, что его идеи после ссылки в Харьков (будем называть вещи своими именами) за «связь с Берией» будут разрабатываться другими, дав впоследствии повод одному из академиков АН СССР с горечью резюмировать: «Угробили хорошего парня!»

И последнее... Справедливости ради следует сказать, что о научном подвиге земляка не забыли в родном городе. В 2010 году Олегу Александровичу было присвоено звание «Почетный гражданин города Пскова», а на доме, где жили мальчишка, который всю жизнь следовал за своей «голубой мечтой», установлена мемориальная доска. Тот же самый Марат Крайний не оставляет попыток привлечь внимание властей к идее создания «квартиры-музея «отца советской водородной бомбы». Однако ему пока похвастаться нечем: на этот широкий жест у провинциального Пскова, как всегда, не хватает денег. ■

Фото из архива автора

«Совершенно секретно-Украина. Спецвыпуск»
№10 (175) от 15.10.2020
Учредитель и издатель:
ООО «Издательство Украинский Медиа Дом»

04080, г. Киев, ул. Кирриловская, 104
Главный редактор Алексей ВЛАДИМИРОВ
Свидетельство о государственной
регистрации печатного СМИ
КВ № 24421-14361 ПР
выдано Министерством юстиции
Украины 13.03.2020
Адрес редакции/издателя:
04073, г. Киев, Куреневский переулок, 17Г
Телефон редакции: (044) 207-97-11

e-mail: sovsec@sovsec.kiev.ua
Цена свободная
Размещение рекламы
reklama@umh.com.ua
Тел.: (044) 207-97-00, (044) 207-33-05
Распространение и подписка
ООО «Издательство Украинский Медиа Дом»
Отдел розницы, тел.: (044) 207-97-00
Отдел подписки, тел.: (044) 207-97-25
При подготовке номера использованы

материалы международного
ежемесячника «Совершенно секретно»
Рукописи, присланные в редакцию,
не рецензируются и не возвращаются.
Мнение редакции может не совпадать
с мнением автора.
Украинская редакция переписку с читателями
не ведет. Перепечатка только с разрешения
«Совершенно секретно-Украина».
Редакция не несет ответственности за содер-

жание рекламы. Во всех случаях типограф-
ского брака обращаться в типографию
ООО «Мега-Полиграф». Адрес: г. Киев,
ул. М. Вовчка, 12/14.
Тел.: (044) 451-86-70, (044) 581-68-15.
©«Совершенно секретно-Украина», 2020
Отпечатано в типографии
ООО «Мега-Полиграф».
г. Киев, ул. М. Вовчка, 12/14.
Тираж: 39000 экз. Заказ № 80371

№ 10/377
ОКТИБРЬ 2020

БЮДЖЕТ 2021

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК/УКРАИНА

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

ПОЛИТИКА

ИНТЕРНЕТ ПОД ЦЕНЗУРОЙ

ПОЛИТИКА

Перемени... Ми не ждемо перемени

ЧЕТВЕРТАЯ ВОЛНА

ПОЛИТИКА

НОВЫЙ КРЫМ

СОЕДИНЁННЫЕ ШТАТЫ ПОЛЬШИ

у жовтневому номері читайте:

- БЮДЖЕТ 2021 - до чого ГОТУВАТИСЯ ПРОСТИМ ЛЮДЯМ
- ЩО ПРОПОНУЮТЬ ПОЛЬЩА ТА ЄС БІЛОРУСІ
- ЯК НАМ НЕ ВТРАТИТИ ШАНС ПОВЕРНУТИСЯ В ЄВРОПУ
- КОЛИ В РОСІЇ БУДЕ «БІЛОРУСЬКА» ДЕМОКРАТИЧНА РЕВОЛЮЦІЯ

**вже
У ПРОДАЖУ**

Свідоцтво
про держреєстрацію
Серія КВ,
24420-14360 ПР
від 13.03.2020р.

СПЕЦВИПУСК
«Секрети кіно»

ВДОМА!

на природі!

на роботі!

РАДІО

П'ЯТНИЦЯ

**У НАС ЗАВЖДИ
П'ЯТНИЦЯ!**